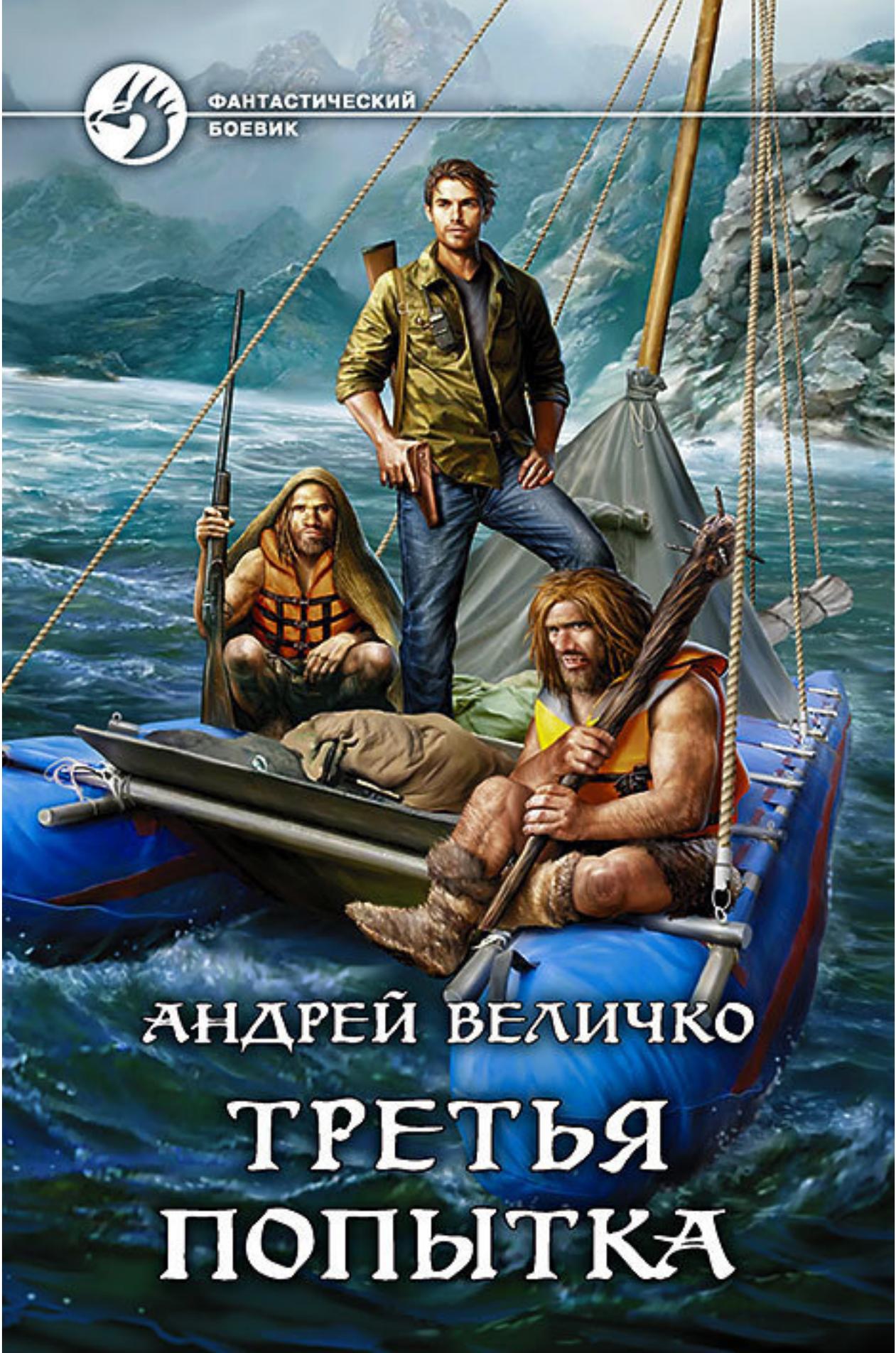

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ ВЕЛИЧКО
ТРЕТЬЯ
ПОПЫТКА

Андрей Величко

Третья попытка

2016

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Величко А. Ф.

Третья попытка / А. Ф. Величко — 2016

Может ли сделать человека счастливым полученная в наследство большая квартира в сталинском доме? Может, но не всякого. Например, Вадиму Касатонову одной квартиры оказалось недостаточно. Однако это не означает, что счастье для него вообще недоступно, – вовсе нет. Просто его, это самое счастье, не так легко найти. Но, если искать целенаправленно, вдумчиво и тщательно, в конце концов найдется все. И немного сокровищ. И новые горизонты. И неизведанные пути в дальние страны. И даже встречи с братьями по разуму. И, наконец, большая любовь, которая встречается настолько редко, что многие просто не верят в ее существование, считая это всего лишь красивой легендой.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Величко А. Ф., 2016

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	32
Глава 7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Андрей Величко

Третья попытка

Пролог

За окном шел дождь со снегом – обычная погода для конца ноября в Москве. В большой квартире на шестом этаже сталинского дома на Ломоносовском проспекте находились двое – мужчина и женщина.

Женщина выглядела чуть постарше, на вид ей было лет семьдесят с небольшим. Впрочем, внимательный и квалифицированный наблюдатель, пожалуй, добавил бы лет десять. Или пятнадцать.

Мужчина вроде смотрелся немного моложе, но каким-то более болезненным, что ли, на фоне женщины. Несмотря на ее крайнюю худобу. На журнальном столике перед ними лежало непримечательное серенькое колечко.

– Увы, Макс, – вздохнула женщина, – никаких признаков. Сам видел – оно на меня как надевается, так и слезает. Палец в нем болтается а-ля карандаш в стакане. Никаких температурных аномалий. Оно просто мертвое. Надежды нет – ни у меня, ни у тебя.

Мужчина закашлялся. Потом отдышался и возразил:

– У меня действительно нет. Хватит, пожил уже, скоро сто три года будет как существую. Хотя, наверное, до ста трех не доживу – сдохну раньше. Но ты же, Катюша, по сравнению со мной совсем молодая, так что как раз у тебя надежда есть. На моего внука Вадима Касатонова.

– Какое ему дело до старухи, которую он не видел ни разу в жизни? Даже если кольцо подойдет.

– Не знаю. Но ты всегда как-то добивалась почти всего, чего хотела. Надеюсь, что у тебя получится и в этот раз. Ладно, пошел я, эту железяку еще надо в тайник спрятать, чтобы чужие не нашли. Потом можно вызывать «скорую».

– А почему бы просто не передать кольцо?

– Потому что я пытался просто передать его тебе и оно не заработало. Сам я его нашел. Так пусть и Вадим найдет! Насколько я его знаю, он обязательно начнет перерывать квартиру в поисках спрятанных сокровищ.

Оба слабо улыбнулись. Потом женщина предложила:

– Может, отдать ему и деньги, и драгоценности? Я, в конце концов, тоже пожила достаточно.

– Дело твое, но я бы тебя попросил не сдаваться сразу. Это просто слабость. Постарайся с ней справиться. Ну, прощай. Вряд ли я вернусь из больницы. Удачи тебе, любовь моя.

Отступление первое

Задолго, очень задолго до описываемых событий...

Полет проходил не просто нормально, а, пожалуй, даже отлично. Видимость, как любил говорить старший инструктор, – миллион на миллион. Болтанка минимальная. Внизу проплывают очень красиво выглядящие с высоты пейзажи Подмосковья – гораздо красивее, чем если смотреть на них с земли, тем более в упор. Инструктор сзади молчит, что можно

вообще отнести к категории нечаянного чуда. Но почему же тогда все сильнее и сильнее одолевает какое-то непонятное беспокойство?

Катя Линевиц с детства доверяла своей интуиции. Точнее, с того момента, как давно, еще до войны, в дачном поселке появился неведь откуда приبلудившийся щенок. Дети, ясное дело, очень обрадовались нечаянной игрушке. Катя тоже собралась было побежать вместе со всеми, но вдруг внутри у нее что-то буквально завопило – туда нельзя! Этот щенок очень опасен!

«Но почему? – недоумевала про себя девочка. – Смотри, какой милый, совсем не злобный – Вовке вон даже руки лижет...»

Однако подходить к собачонку Катя не стала. И поэтому не увидела, что на руке у Вовки была свежая царапина. Но когда осенью она случайно подслушала разговор родителей о том, что сын их соседей по даче недавно умер от бешенства, то совсем не удивилась. А просто сделала вывод, что к предчувствиям надо относиться серьезно.

Они далеко не всегда сбывались так явственно и быстро, как в первый раз. Например, однажды, уже будучи студенткой химфака МГУ, Катя шла по Новослободской улице и случайно наткнулась на здание Второго московского аэроклуба. И тут ее неожиданно озарило – нужно кроме получения высшего образования еще и учиться летать!

Да зачем же, удивилась странной мысли девушка. Нет, конечно, способностей, настойчивости и здоровья у нее хватит. И поступать лучше не сюда, больно уж у этого аэроклуба вид несолидный, а в Центральный. Но все-таки зачем? Сейчас же не тридцатые годы, когда вся страна сходилась с ума по летчицам и летчикам. Какой смысл, что это даст?

Впрочем, сомнения не помешали девушке поступить в аэроклуб – причем, естественно, не во Второй, а в Центральный имени Чкалова. И то, что она до сих пор не видела никаких положительных последствий своего решения, могло означать всего две вещи: или она просто плохо смотрела, или, что более вероятно, время для них еще не настало.

То, что инструктор молчал, было несколько необычно. Раньше он всегда и, как правило, нелицеприятно комментировал Катини действия, несмотря на то, что летала она лучше всех в отряде, причем намного. Девушке вообще легко удавалось управление самыми разными машинами, начиная от велосипеда в детстве и кончая недавно приобретенной отцом «Победой». И самолет не стал исключением, тем более такой простой в управлении, как По-2. Наверное, инструктор ворчит, чтобы я не зазнавалась, сделала вывод Катя. Или, что тоже вероятно, вспоминает, насколько хуже в свое время у него получалось у самого. Девушке это было в общем-то без разницы, она быстро приучилась воспринимать замечания инструктора спокойно и с поправкой, что прав он бывает далеко не всегда. Но сейчас он молчал, что было странно.

Хотя... в наушниках шлемофона уже второй раз раздается какой-то странный звук, похожий на сдавленное мычание.

Постаравшись не потерять управление из-за неудобной позы, Катя обернулась, и увиденное ей решительно не понравилось. Назвать лицо инструктора нормальным не смог бы даже самый закоренелый оптимист.

Левый глаз прикрыт, правый выпучен. Рот приоткрыт, причем тоже криво, с одной стороны, и из уголка губ тянется струйка слюны. Левая рука не на секторе газа, а прижата к горлу. Правую не видно, но она явно не на ручке управления.

Катина мать считала, что она хорошо разбирается в медицине, хотя на самом деле всего лишь два года работала в регистратуре районной поликлиники, причем давно. Однако это не мешало ей регулярно просвещать домашних по поводу всяких инфарктов, инсультов, аппендицитов и прочего. Особый упор она делала на своевременное, при самых первых признаках, обращение к врачам.

Явный инсульт, сделала вывод Катя. Кажется, тут действует правило золотого часа. Если вовремя получить помощь, благоприятный исход вполне вероятен. Если нет, то в лучшем случае инвалидность, хотя и летальный исход не исключен.

Девушка быстро прикинула, что уложиться в час у нее никак не получится. Во-первых, до аэродрома не меньше двадцати минут лёта, а с учетом захода на посадку без помощи инструктора может выйти и полчаса. Во-вторых, радио на самолете нет и «скорую помощь» вызовут только после посадки, да и то вряд ли сразу, надо же добраться до телефона. Уйдет еще минут десять, если не пятнадцать. Пока «скорая» приедет, да пока довезет мужика до больницы... нет, часом тут и не пахнет. Хорошо бы за два успеть, да и то не факт, что получится. В-третьих, неизвестно, когда именно начался приступ. Возможно, сразу после того, когда инструктор дал команду на изменение курса, а потом замолчал – это было минут десять назад, если не больше. Кажется, Пал Михалычу не повезло. Впрочем, чего волноваться-то? Вряд ли новый инструктор будет хуже этого, таких в аэроклубе просто нет. А уж самостоятельно долететь до Тушино и сесть, не разбив самолет, выйдет в любом случае.

Катя попыталась прислушаться к своей интуиции и поняла, что инструктора надо спасать – и плевать на риск не только для карьеры, но и для жизни. Вот только как?

Девушка в общем-то неплохо представляла, где она находится. Справа, километрах в семи – Волоколамское шоссе. Под ней дорога, проходящая мимо их дачного поселка. До него километров двадцать. А немного не доезжая... точно, там какая-то ведомственная больница! Но какая бы она ни была, пусть даже кремлевская, вряд ли в ней откажутся принять нуждающегося в неотложной помощи летчика. Сесть можно будет прямо на шоссе, движение тут небольшое, но могут помешать столбы с проводами, да и до больницы останется примерно полкилометра. Но, кажется, дорожка от шоссе до главного корпуса практически прямая, и столбов на ней нет, быстро вспоминала Катя, чуть дав ручку от себя и двинув вперед сектор газа.

Только через два часа девушка смогла спокойно обдумать, что же она сделала. Кажется, все получилось правильно. Посадка удалась неплохо, самолет остался цел, хоть и выкатился с дорожки в конце пробега. Зато остановился буквально в трех шагах от главного входа. Инструктора приняли без возражений и даже поблагодарили за своевременную доставку и четкий первичный диагноз – у него действительно был инсульт. Потом старшая медсестра проводила Катю до телефона, чтобы девушка могла позвонить в аэроклуб. На том конце провода велели ждать машину и не пытаться взлететь самой. Чего, между прочим, Катя и без их распоряжений делать совершенно не собиралась. Потом трубку взял сам начальник аэроклуба и поблагодарил ее за мастерство и находчивость – он так и сказал.

И вот теперь девушка пыталась сообразить – неужели эта посадка у больницы нужна была только для того, чтобы ее отметил начальник? Хотя, возможно, оно и окажется не лишним... у отца явно начинается полоса неприятностей. Его последнюю повесть на пленуме Союза писателей очень резко критиковал сам Фадеев, и это может иметь серьезные последствия. Не оказаться бы дочерью безродного космополита – ведь то, что отец на самом деле чистокровный белорус, после соответствующего распоряжения сверху никого интересовать не будет. Сейчас, конечно, не тридцать седьмой и членов семей не репрессировывают, но все равно заступничество начальника аэроклуба, а он, между прочим, генерал-майор и Герой Советского Союза, лишним не будет. Неужели дело только в этом?

Катя посмотрела вправо и поняла: нет. Разумеется, нет!

Справа и чуть сзади стояла настоящая причина ее авантюрного полета и посадки на больничную аллею. Но боже ж мой, мысленно застонала девушка, до чего же она... это... в смысле он... как он далек от идеала!

Нет, Катя, конечно, понимала, что в жизни прекрасные принцы на белых конях выглядят несколько не так, как в сказках. Но не до такой же степени!

Старый, на вид ему лет сорок пять, если не все пятьдесят. Плюгавый, ростом сантиметра на три ниже Кати. Рожа мало того что небритая, так еще и перекошенная. Впрочем, это может быть от волнения, ведь не просто же так он приехал в больницу и совершенно явно не находит себе места. Наверное, у него тут лежит кто-то близкий, и с серьезным диагнозом. М-да-а... костюм хоть и несомненно импортный, но давно не глаженный, а под ним какая-то вульгарная мятая рубаша в красную клетку. У него что, даже приличной домработницы нет? И только конь не подкачал – сквозь застекленные двери был хорошо виден белый ЗИМ, стоящий у самого входа.

Катя специально позволила себе немного расслабиться, потому что в обозримом будущем это станет невозможно. Сейчас ей нельзя допустить ни малейшей ошибки, то есть фальши.

Девушка глубоко вздохнула. Ну что, Екатерина Арнольдовна, поныла, облегчила душу? А теперь можешь навсегда засунуть свои оценки куда подальше, и начинаем работать.

Доктор геолого-минералогических наук, лауреат Сталинской премии Сергей Петрович Мезенцев овдовел в пятьдесят первом году. А в начале пятьдесят второго женился снова – на отважной девушке-летчице, на его глазах с риском для жизни, но вовремя доставившей своего товарища в больницу. И если к первой жене он просто неплохо относился, но особого места она в его жизни не занимала, то Катя стала для него всем. Ученый был уверен, что без ее постоянной поддержки он не достиг бы и половины того, что ему удалось. И – в чем он боялся признаться даже себе – отсутствие детей его не только не расстраивало, но даже скорее радовало. Дети могли нарушить то волшебное чувство единения с любимой, в котором он всегда пребывал рядом с женой. Катя, Катюша, солнышко...

Сергей Петрович прожил долгую жизнь и был счастлив до самой смерти, наступившей его в семьдесят седьмом году.

Глава 1

Пятнадцать человек на сундук мертвеца

Ну вот, квартира отныне моя, а дядя Марик теперь сосет... хм... ладно, будем считать, что лапу. Глядишь, и пойдет на пользу, а то он, как мне рассказывали, слегка поехал крышей еще в поздней молодости, а сейчас рехнулся окончательно. Нет, я, конечно, не идеализирую Советский Союз, которого почти и не видел, но, говорят, принудительная психиатрия там была на высоте. Хрен бы такой двинутый, как этот не к ночи будь помянутый родственник, там по улицам свободно разгуливал и уж тем более претендовал на чужие квартиры. И ведь, главное, он хоть и псих, но от политики шарахается как черт от ладана! Жаль, а то, глядишь, примкнул бы к какой-нибудь оппозиции и сел бы в психушку как миленький, невзирая на демократию. Однако он, зараза старая, вместо этого подал в суд, утверждая, что имеет право как минимум на половину квартиры моего умершего полгода назад деда, несмотря на то что имелось совершенно однозначное завещание в мою пользу. И это при том, что он всего лишь вдовец дедовой двоюродной племянницы!

В общем, неудивительно, что квартиру в конце концов присудили мне, причем это сопровождалось минимальным расходом нервов и денег. В силу чего наконец я могу вступить в полноправное владение ею, а свою старую однушку в Черемушках сдать или даже продать. В принципе я прекрасно мог жить и в однокомнатной, а сдавать эту, за которую можно просить как минимум вдвое больше, а после ремонта так и втрое, но у меня были свои планы.

Не знаю, был ли дед перед смертью самым старым жителем Москвы, но что одним из них – это точно. Он месяца не дожил до ста трех лет! Да и то помер не от старости, а от воспаления легких, ухитрившись незнамо где простудиться. То есть на пенсии он сидел раза в полтора дольше, чем я вообще живу на свете. Но при этом, нигде не подрабатывая и вроде даже не занимаясь никаким левым бизнесом, никогда не бедствовал! Причем это еще очень мягко сказано.

Ладно, то, что в советские времена персональный пенсионер, орденосец и генерал-майор в отставке жил, ни в чем себе не отказывая, еще не удивительно. Но он и потом продолжал кататься как сыр в масле! Хотя по идее должен был искать еду на помойках, ибо почти вся его пенсия уходила на квартплату и коммунальные услуги.

Не знаю, насколько дед меня любил, но относился, во всяком случае, неплохо. На шестнадцатилетие подарил почти новую японскую скутеретту «Хонда Супер Каб», по тем временам это было очень круто. Она на ходу до сих пор, несмотря на двадцать три тысячи на одомере. Нормальный такой подарочек для голодного российского пенсионера, не находите? Опять же мою мать он материально поддерживал до самой ее смерти в две тысячи пятом, и, насколько я себе представлял, не такими уж малыми суммами.

В силу чего я был почти уверен, что за долгую и богатую приключениями жизнь деду не раз попадалось что-либо ценное и он в подобных случаях не терялся. Вот, значит, мне и захотелось найти хотя бы остатки. Причем совесть меня не мучила – я точно знал, что в блокадном Ленинграде дед не был ни разу. И значит, среди найденного в квартире не может оказаться ничего, купленного за кусок хлеба у умирающих с голоду. Ну а что дед где-то еще хорошо затрофеился – так это дело житейское. Как и то, что в поисках тайников я собирался перерыть всю квартиру, тем более что она была довольно запущенной и все равно требовала ремонта.

Нашел я там довольно много, но найденное как-то не очень походило на клад острова Монте-Кристо. Прямо в ящике письменного стола обнаружилось восемь николаевских червонцев, а в кармане висящего в прихожей плаща – еще три. Ножки старинного журнального столика оказались выдолбленными. Правда, две были совсем пустые, а в последней нашлось восемнадцать червонцев, только нэповских. В буфете чуть ли не на самом виду лежал обшарпанный ТТ с одним магазином и без патронов. У меня даже мелькнула шальная мысль – может, дедуля просто подрабатывал киллером и я зря ишу сокровища? Больно уж вид у пистолета заслуженный. А когда кончились патроны, ветеран чуть ли не всех войн, начиная с финской, понял, что жизнь дала трещину, и помер от расстройства. Хотя, с другой стороны, патронов к двустволке, что тоже нашлась в одном из шкафов, оставалось еще примерно полсотни.

Наконец, в начале третьей недели поисков, совмещенных с ремонтом, я нашел настоящий тайник под плитой подоконника. И уже не очень разочаровался, увидев, что ценность его содержимого если и отличается от нуля, то совсем немного и еще неизвестно, в какую сторону. Там лежал завернутый в промасленную бумагу совсем новый, в смысле не использовавшийся наган, семь картонных коробочек с патронами, в каждой по четырнадцать штук, и небольшая шкатулка из темного, почти черного дерева. В ней обнаружилось невзрачное серенькое кольцо без украшений и вырванный из тетради лист бумаги в клеточку, исписанный дедовым неразборчивым почерком.

Отступление второе

Задолго до описываемых событий

Не пора ли закрыть окно?

Такая мысль посещала Екатерину уже не первый раз. Но, как и во все предыдущие, в действие она не воплотилась. Подумаешь, пьяные вопли мужиков и столь же нетрезвый визг... хм... ну, скажем, дам. Или, точнее, баб. Лучше еще послушать, авось пригодится.

Соседи гуляли уже второй день подряд и закругляться пока явно не собирались. А чему тут удивляться – начали в пятницу, сейчас вечер субботы, в запасе у празднующих еще как минимум сутки. Это если не учитывать, что виновник торжества – пенсионер и на работу ему в понедельник не идти. К тому же, как успела узнать Екатерина, далеко не бедный, так что и деньги у него скоро никак не могут кончиться.

Женщина вздохнула. Она давно подозревала, что судьба – дама с довольно своеобразным чувством юмора, и вот сейчас получила еще одно подтверждение.

Подумать только, среди мужчин, про которых ее интуиция говорила «он должен стать твоим», наконец-то встретился настоящий красавец. Как раз тогда, когда Екатерина окончательно убедилась, что внешность не играет никакой хоть сколько-нибудь заметной роли. Так что лучше бы этот был пострашнее на вид, но не таким вульгарным! Господи, как ржет-то... породистый конь обзавидуется. И эти его бабы... хотя, конечно, столь возвышенно их называть можно только в порядке комплимента. Шлюхи. Причем самые низкопробные – где он их только набрал-то? Разве что у трех вокзалов, да и то не сразу, даже там таких еще поискать надо.

Впрочем, – вздохнула про себя женщина, – какая разница? Раз надо, значит, надо. Тем более что в смысле обеспеченности и положения этот, кажется, стоит не ниже ее полтора года назад умершего мужа. Генерал-майор в отставке, и тетя Саня, видевшая его первое появление, когда он явился в свое новое жилье в парадной форме, говорила: «Вся грудь в орденах аж до пупа».

Здесь этот тип оказался после развода с женой и размена жилплощади и сейчас праздновал новоселье и, наверное, обретение свободы до кучи. Поди, неплохая у него была квартира, если половина от нее тянет на двухкомнатную в таком доме. Тем более что и его бывшая жена тоже переехала далеко не в хрущевку, подъездные бабки это уже разузнали.

В общем, не считая вида и манер, вполне достойный кандидат. Выглядит, кстати, не больше чем на сорок – когда же это он успел стать генералом, да и повоевать от души?

Екатерина глянула в зеркало и усмехнулась. Ей тоже больше тридцати ни за что не дашь, а в паспорте – сорок девять. Родственная душа? Вполне возможно. И вообще, хватит ныть, пора настраиваться на работу. Дабы не ляпнуть что-нибудь вроде «ах, сударь, вы вгоняете меня в краску» в ситуации, когда более уместным будет вопрос наподобие «мужик, чтоб твою мать, да ты че, ваще охренел?». Или наоборот, что ничуть не лучше.

Глава 2

Колечко, колечко

Прогладив валиком очередной свисающий сверху лист обоев, я потрогал надетое на безымянный палец левой руки дедово кольцо. Кажется, оно уже не холодное, а примерно соответствует температуре тела. Значит, ничего непоправимого не случилось, и вскоре меня ожидает, если можно так выразиться, второй подход к снаряду. Ибо первый вышел каким-то неподготовленным и бестолковым. Впрочем, назвать его совсем уж безрезультатным не поворачивался язык.

Неделю назад, найдя в тайнике кольцо и бумагу, я сел разбираться в мелких дедовых закорючках и вскоре понял почти все, что там было накорябано.

Итак, в конце тридцатых годов каким-то образом к деду попало это кольцо, конкретики он не приводил. И дед обратил внимание, что если его надеть на левую руку и пощупать пальцами правой, то оно кажется холодным. Но при этом палец, на котором надето кольцо, ничего подобного не чувствует! В общем, так было почти год, а потом вдруг кольцо начало ощутимо теплеть, и опять это можно было почувствовать только пальцами правой руки. Вот, значит, лег как-то дедушка спать, а перед сном опять пощупал кольцо – теплое! – и слегка повернул его. После чего мгновенно заснул, а проснулся почему-то в лесу. Прямо на землю была постелена казенная простыня, под головой подушка, сверху наличествовало одеяло. И все! Никаких признаков военного городка, где он лег спать, вокруг не наблюдалось. Более того, в ста метрах обнаружилось настоящее море – во всяком случае, оно имело соленую воду и простиралось до горизонта. Был примерно полдень, погода стояла теплая, так что дед не стал расстраиваться тем, что из одежды на нем одни трусы, а решил исследовать место, где он столь непонятным образом оказался. Залез на дерево, посмотрел вокруг и увидел, что рядом есть не то низкая гора, не то высокий холм. Поднялся на него и с изумлением обнаружил, что находится на острове!

Тем временем потихоньку вечерело, небо заволочло тучами, и дед отправился вниз, к своим постельным принадлежностям. Когда он достиг поляны и, усталый, присел на простыню, начался дождь. Правда, он скоро кончился, но стало заметно прохладнее, и дед задумался. Вообще-то он допускал, что все происходящее ему снится, но просто так сидеть и мерзнуть, дожидаясь момента пробуждения, ему быстро надоело. Он пощупал кольцо – не холодное, но и не теплое. После чего рассудил, что необычный сон начался с поворота этого кольца. Так, может, если лечь и повернуть его в обратную сторону, сон прекратится?

Дед два раза повторил в своей писульке, что ему почему-то было немного боязно поворачивать кольцо. Имелось ясное ощущение, что еще рано, оно должно нагреться как минимум до той температуры, что была при засыпании. Но он все-таки повернул, после чего услышал что-то вроде далекого колокольного звона и заснул на мокрой простыне под мокрым одеялом, а проснулся на своей кровати, причем белье было почти сухим. Он встал, соображая, приснилось или нет ему все происшедшее. Потом посмотрел на свои ноги. Они были гораздо чище, чем тогда, когда он лез под одеяло на поляне, но все же грязнее, чем когда ложился спать. И на них остались царапины, приобретенные при восхождении на холм. С другой стороны, к простыне ничего не пристало, а она ведь валялась прямо на траве и еловых иголках!

Дед понял, что заснуть ему не удастся, оделся и попытался снять кольцо, но оно не слезало. В общем, тогда оно в первый раз спасло ему жизнь. Потому как дед лег спать поздним вечером двадцать первого июня сорок первого года. И в четыре часа утра, когда на спящий

военный городок посыпались бомбы, он был одет и на ногах, отчего и остался в живых, в отличие от большинства своих сослуживцев.

Дед был уверен, что кольцо хранило его всю войну. Он счастливо избежал не только смерти, но и серьезных ранений, а те, что все-таки случались, заживали ну очень быстро. В общем, он носил его всю жизнь, практически ничем не боля, и все это время кольцо было одинаково холодным на ощупь. И, несмотря на регулярные повороты, больше не отправляло своего носителя неизвестно куда – то ли в необычайно яркий сон, то ли в какой-то иной мир.

Однако где-то за месяц до написания письма оно стало холодить и тот палец, на котором было надето, причем чем дальше, тем сильнее. Вскоре холод стал нестерпимым, и дед попробовал его снять – оно слезло без всяких усилий. В общем, явно давало понять что-то вроде – попользовался, пора и честь знать. Чай, уже больше ста лет живешь на свете! Дед был в общем-то согласен, поэтому сел писать сначала завешание, по которому все его имущество переходило мне, а потом и эту бумагу. Почему-то он был абсолютно убежден, что я найду тайник и кольцо, даже если мне ничего о них не говорить.

И я его действительно нашел! Немедленно по завершении чтения, отринув сомнения, решительно напялил кольцо на палец. И сразу потрогал его правой рукой – надо же, действительно холодное! После чего попытался снять, но оно не слезало, хотя надевалось вроде без всяких усилий. Что же, подумал я, пока все подтверждается.

На следующий день я, придя на работу, первым делом измерил температуру наружной поверхности кольца. Термопара показала тридцать четыре градуса, тепловизор на полградуса больше. А по ощущениям получалось, что там никак не больше пятнадцати градусов! Ладно, подумал я тогда, кольцо действительно непростое. Когда оно там у деда нагрелось – через пару лет непрерывного ношения? Нет, кажется, всего через год.

Однако у меня оно начало теплеть уже через три дня. Я снова потыкал его термопарой и исследовал через тепловизор – те же тридцать четыре. Но рука ясно говорила мне, что там от сорока четырех градусов до сорока шести. Ведь я электронщик, специалист по мощным инверторам, и до этого несколько лет подряд щупал транзисторы, определяя их нагрев, пока начальство не расщедрилось на тепловизор. В общем, у меня сложилось впечатление, что кольцо готово к работе, но наобум и в одних трусах бросаться в какой-то новый мир я не собирался. Мало ли, а вдруг он действительно существует!

После работы я заехал в спортивный магазин, где купил многолезвийный туристический нож, небольшой топорик, компас, непромокаемых спичек и кучу всяких лесок, поплавков, крючков и грузил. Дома сразу надел жилетку со множеством карманов, в которой занимался ремонтом, и разложил все купленное – лишь топорик не лез внутрь, его пришлось засунуть за боковой хлястик. Места оставалось еще много, и я начал распахивать по карманам все подряд. Пассатижи? Туда их, лишними не будут. Шурупы? Аналогично, пара горстей точно не помешает, и к ним нужна крестовая отвертка. Ее в малый боковой карман, мини-ножовку «Фрезер» в большой, мультитул в нагрудный. Чего еще? Ага, несколько зажигалок, спичек не так уж и много. Скотч? Тоже пригодится, место еще есть. Блин, чуть не забыл наган! И патроны, в последнем кармане еще есть место для двух пачек.

В общем, вскоре я, бряцая всяким железом, зашел в пока не затронутую ремонтом комнату и, как был, прямо в кроссовках, лег на кровать поверх покрывала. Ну, с Богом!

Я повернул кольцо и почувствовал, что неудержимо засыпаю. Последний обрывок мысли был – ага, действ...

И тут же наступило пробуждение. Я поднял голову и огляделся. Сверху – небо между ветками не то сосен, не то елок. Подо мной – покрывало с кровати, куда я плюхнулся, и подушка. Я не голый, одежда на месте, причем почти вся. Кроме самого главного – жилетки с множеством полезнейших вещей! И почему-то кроссовок, в новом мире я оказался в одних

носках. В общем, положение мое было почти как у деда. С одной стороны, имелось преимущество – на мне не только трусы, но и джинсы, майка, рубаха и носки. С другой – когда деда перенесло, в месте финиша было тепло, а здесь прохладно, не очень светло и довольно мокро. Похоже, недавно прошел дождь – при каждом порыве ветра с веток падают капли. И, кстати, ремень от джинсов тоже куда-то пропал, обнаружил я. Интересно, что сейчас – утро или вечер?

Оказалось, что вечер, потому как минут через пятнадцать еще больше стемнело. Я нашел довольно густые кусты неподалеку от места своего приземления и задумался. Если перетащить туда покрывало и подушку, а сверху набросать веток, то получится какое-то подобие шалаша. Вот только можно ли тащить туда покрывало – вдруг его нельзя трогать, если хочешь вернуться? Думай, голова, думай, совсем скоро начнется ночь.

Мерзнуть в кустах мне не улыбалось, поэтому я быстро решил, что покрывало в механизме переноса не участвует – ведь сам его недавно купил на рынке за семьсот с чем-то рублей. А вот место – очень даже может быть!

Я наломал веточек и, воткнув в землю пять штук, пометил место, где лежало покрывало. Пять потребовалось потому, что один конец его оказался загнут и на обозначение места сгиба ушло две веточки. Затем достал из кармана джинсов ключи с брелоком-фонариком – это было все, что мне осталось от технических благ цивилизации. После чего свернул покрывало и отправился устраиваться на ночь. И что мне, дураку, помешало сунуть в тот же карман хотя бы одну зажигалку?

Короче говоря, ночь прошла без сна и, так сказать, весьма разнообразно. Я кутался в покрывало, пытаюсь согреться, и несколько раз чуть не вылез добывать огонь. Удержало только то, что в темноте, даже при наличии не до конца севшего фонарика, искать кремни было бесполезно, а добывать огонь трением надо уметь, и даже тогда это вряд ли получится, потому как все вокруг мокрое.

Три раза начинался дождь, причем в последний раз он не только начался, но продолжался около часа, из-за чего я окончательно промок. И, вдобавок ко всем неприятностям, кольцо было совершенно холодным.

Однако, как говорится, все на свете имеет конец, а колбаса – даже два конца. Кончилась и ночь незнамо где. Нет, ясности по поводу моего местопребывания не прибавилось, но настало утро, вышло солнце, я ожил и, захватив покрывало, отправился вперед, где между деревьями просвечивала вода. Дневное светило поднималось быстро, и я сох почти с той же скоростью. В общем, еще до полудня ко мне вернулся оптимизм, а сразу после него кольцо начало помаленьку нагреваться.

Не знаю, получилось бы у меня не повернуть его, если бы это случилось ночью, когда я вовсю стучал зубами, но теплым днем решение не требовало особого мужества. Буду ждать, пока кольцо не достигнет требуемой температуры, а сейчас можно позагорать или в море искупаться – а то когда еще доведется. Бухточка небольшая и со сравнительно узким входом, вряд ли тут водится что-либо одновременно и крупное, и хищное. Заодно можно будет посмотреть, нет ли в воде кого-нибудь съедобного, а то ведь организм напоминает, что пора бы и перекусить. В конце концов, суши я ел, так почему бы и не отведать просто сырой рыбы, без всякого японского колорита? Насчет омаров я не загадывал, ибо толком не представлял себе, как они выглядят не в консервированном виде. И сильно ли кусаются в процессе поимки.

Вода оказалась довольно теплой, и я вволю наплавался и нанырлся. Вот только рыб мне не встретилось, всего лишь пару раз на пределе видимости что-то мелькнуло, но на границе песка и камней нашлась приличная колония мидий. Я помнил, что среди двустворчатых моллюсков нет ядовитых, да к тому же пробовал мидий в детстве, когда отдыхал в Новомихайловке. Помнится, сожрал целых две штуки сырыми, но на третью меня не хватило,

больно уж сильно они воняли какой-то гадостью наподобие керосина. Однако ни отравления, ни даже поноса тогда не последовало, и теперь я, натаскав приличную кучу ракушек, приступил к трапезе.

Правда, поначалу у меня не получалось открыть раковины – ни руками, ни используя ключ от квартиры. Тогда я стал просто разбивать их камнями, выгребая содержимое половинкой раковины. Как ни странно, в сыром виде и без всяких приправ мидии пошли очень даже ничего!

После обеда меня потянуло в сон, и я, оттащив покрывало к кустам и сходяв за подушкой, вздремнул в тени пару часов. А проснувшись, обнаружил, что кольцо нагрелось уже градусов до сорока. В общем, жизнь была прекрасна, но почему-то, несмотря на весьма сытный обед, снова хотелось есть. Недолго думая я набрал еще примерно полкило мидий, съел или, точнее, сожрал их, после чего напился воды из маленького ручейка, впадающего в бухту. Попытался добыть огонь при помощи камней, но безуспешно. А потом просто немного прогулялся по берегу моря, не ставя перед собой никаких исследовательских целей. За всеми этими занятиями незаметно наступил вечер, кольцо догрелось до нормы, и я, разложив покрывало точно на том месте, куда оно перенеслось, пристроил подушку, лег и повернул кольцо. Миг – и вокруг меня снова квартира, то есть возвращение состоялось! Или просыпание, это еще не до конца ясно.

Тут я почувствовал, что лежу на чем-то твердом и неудобном. Встал и, подняв покрывало, обнаружил на одеяле свою жилетку, набитую железом. Кроссовки тоже валялись у кровати. Пожалуй, это все-таки не сон. Хотя... почему носки такие чистые – я же в них шастал по лесу? И к покрывалу, как у деда, не прилипло ни травинки. Да, но царапины на руках, которые я получил, ломая ветки, никуда не делись! Впрочем, это ничего не доказывает. Они могли появиться, например, в результате самовнушения, как стигматы, которые вроде как относятся к более или менее доказанным явлениям, я про это читал в «Лезвии бритвы» Ефремова. Стоп, но смола к рукам, она что, прилипла тоже в результате чисто волевого усилия? Нет, это же не деньги. Вот они действительно так липнут, особенно если бюджетные и в достаточно крупных количествах, а руки чиновные, но здесь явно не тот случай ни по одному из пунктов. Получается, я натурально где-то побывал! Но если так, то почему жилетка, которая была на мне надета, осталась на месте, а подушка – нет? И ремень от джинсов, и кроссовки путешествовать со мной почему-то отказались, в отличие от носков.

Минут через десять усиленных размышлений у меня родилась гипотеза, состоящая в том, что переносу подвергаются только предметы, непосредственно контактирующие с моим организмом. Теперь оставшиеся на месте кроссовки, ремень и жилетка получали вполне правдоподобное объяснение – они же нигде не касались моей кожи. В отличие от всего остального, с чем я оказался на лесной прогалине. Да, но тогда почему перенеслась подушка, ведь с головой контактировала только наволочка? И ключи в кармане джинсов тоже как-то не очень соответствовали выстроенной картине.

Немного подумав, я сделал небольшое дополнение. Если я касаюсь предмета, внутри которого находится еще один или несколько, то переносу подвергается всё. Причем «внутри» – понятие не абсолютное, полной герметичности явно не требуется – и наволочка, и карман от нее весьма далеки. А отсюда следовал оптимистичный вывод – в следующий раз с собой можно будет взять застегивающуюся на молнию сумку! Или даже под завязку набитый рюкзак.

Осталось только проверить – а станет ли кольцо вновь нагреваться? Я хоть и не очень сильно, но подозревал, что у деда оно сработало всего один раз из-за того, что он слишком поспешил с обратным переходом.

И вот три дня спустя после возвращения появилось доказательство, что это, скорее всего, так оно и есть. Кольцо начало теплеть.

Отступление третье

Незадолго до описываемых событий – совсем короткое

Если бы Екатерина Арнольдовна была способна впасть в отчаяние, то, вне всякого сомнения, она именно это и сделала бы. Какое утонченное издевательство – впервые в жизни ей предстоит обратить на себя внимание мужчины, к которому у нее вообще нет никаких претензий!

Статный и красивый, как его дед.

Явно неплохо воспитан и образован.

Иногда даже можно увидеть признаки душевного благородства.

И, кажется, добрый.

Почему же такой не встретился ей лет шестьдесят назад?

Да потому, что он мне тогда был не нужен, не стала хитрить сама с собой старая дама. Но сейчас – зачем ему нужна я, в восемьдесят-то пять лет? Выбор прост – или достаточно быстро найти ответ на этот вопрос, или смириться с тем, что моя долгая и, не будем кривить душой, временами даже счастливая жизнь подошла к концу.

Глава 3

Вслед за героями Жюль Верна

То, что во второй раз меня перенесло точно туда же, было бесспорным – я оказался в том же самом месте той же самой прогалины. Вот они, обломанные веточки, – торчат себе там, куда я их воткнул в прошлый раз. Причем прежним осталось не только место, но и время – похоже, второй перенос совершился в тот же момент, в который закончился предыдущий. Вокруг вечер, причем тот самый, иначе сломы веток имели бы другой вид. Все как в прошлый раз, но только теперь я намного богаче! Со мной полный рюкзак барахла, и кое-что примотано бинтами прямо к телу. Потому как не было полной уверенности, что фокус с рюкзаком удастся, и не хотелось мне вновь куковать хоть и не голым, но босым и без всяких благ цивилизации.

Я снял напаянные на босу ногу кроссовки, развязал обмотанные вокруг щиколотки носки, надел их, обулся и принялся разматывать бинты. Вскоре на покрывале лежали: заряженный наган, якобы швейцарский туристический нож, набор рыболовных крючков, леска, охотничьи спички и компас.

Затем из рюкзака была извлечена палатка. Поначалу я хотел купить сверхлегкую полутораместную для экстремальных походов, но, во-первых, больно уж дорого она стоила – без малого восемь тысяч. А во-вторых, с чего это мне жить в несусветной тесноте? Лучше купить рюкзак побольше, он стоит всего на полтысячи дороже того, что я приглядел поначалу, и взять здоровенную палатку, нашедшуюся у деда. Советских времен, двускатную брезентовую, размером два на три метра и высотой в два. Которую, кстати, пора ставить, если я не хочу заканчивать этот процесс при свете фонаря, хоть и весьма яркого.

Постановка палатки заняла почти час – все-таки это оказалось не так легко не только без практики, но даже без писаной инструкции. Но наконец мне удалось установить ее как положено. Я прицепил к потолку маленькую светодиодную люстру, надул матрац, расстелил на нем спальник. Потом полюбовался, сколь хорошо обеспечен по сравнению с прошлым разом, взял фонарь, ибо уже стемнело, и вылез с целью набрать дров. Ибо несмотря на то, что перед экспедицией я поужинал, у меня почему-то снова разыгрался аппетит. Значит, надо заварить чай, а к нему есть вареные яйца и бутерброды с колбасой и сыром, кои все равно надо съесть, пока не испортились. Ну а завтра дооборудовать палатку до состояния нормального жилища и посмотреть, как тут обстоят дела с охотой и рыбной ловлей. Во всяком случае, одну птицу, похожую на отожравшегося до размеров курицы голубя, я уже видел.

Спать после ужина еще не хотелось, погода была ясная, и я, взяв фотоаппарат и штатив, вышел полюбоваться на звездное небо. Ибо меня сильно интересовал вопрос – я на Земле или где-нибудь еще?

С первого взгляда казалось, что все-таки на Земле, потому как луна была почти полной и точно такой, как ей и положено. На всякий случай я ее сфотографировал, а потом вновь занялся прикладной астрономией.

Единственное знакомое мне созвездие – Большая Медведица, нашлось быстро, вот только этот ковш показался каким-то кривым. У него же ручка вроде была как-то не так изогнута! Да и сам он какой-то сплюснутый. Сфотографировав и его тоже, я вернулся в палатку, где долго слушал приемник. Однако на длинных и средних волнах удалось поймать только треск – скорее всего, от грозовых разрядов. На УКВ не было даже этого. То есть теперь не вызывал особых сомнений тот факт, что я в каком-то ином мире либо в прошлом нашего. Ведь даже на необитаемом острове где-нибудь посередине Тихого океана было бы слышно

хоть что-нибудь! Хотя, конечно, это может быть не прошлое, а достаточно далекое будущее, в котором человечество совсем одичало или просто прекратило свое существование.

Утром я соорудил на берегу нечто вроде солнечных часов. Теперь оставалось только дожждаться равноденствия, или солнцестояния, и можно будет определить широту места, куда меня занесло. С долготой, правда, так просто не получится, ибо узнать время по здешнему Гринвичу невозможно, но даже одна широта – это все же лучше, чем вовсе ничего. Впрочем, то, что здесь не экватор, было и так ясно – в прошлый раз солнце высоко не поднималось в зенит.

Я решил задержаться в новом мире подольше – либо до того момента, как кольцо начнет хоть немного охлаждаться, либо пока не надоеет, из-за чего и занялся палаткой.

Она была установлена меж двух хвойных деревьев, напоминающих одновременно и елку, и сосну. На всякий случай я решил считать их кедрами – просто потому, что кедр не видел ни разу в жизни, но зато знал, что они бывают многих видов. Например, бермудский, ливанский, сибирский – это только то, что сразу пришло в голову.

И, значит, палатка была установлена меж двух кедров, растущих метрах в восьми друг от друга. Я натянул веревку меж стволов так, что она проходила сантиметров на десять выше палатки, и растянул на ней тарпаулиновый тент размером пять на шесть так, что получился треугольный в плане ангар. Тарпаулин – это плетеный полиэтилен, довольно легкая, прочная, непромокаемая и дешевая ткань. Например, мой тент стоил тысячу с какими-то копейками, и это вместе с люверсами. Потом срезал ветки с куста, напоминающего иву, но с сосновыми иглами, и, при помощи медного провода сделав из них треугольник, положил его на второй кусок тарпаулина, вдвое меньше и дешевле первого. Обрезал лишнее, загнул края и кое-как зашил. После чего закрепил конструкцию в заднем торце внешнего тента, напротив глухого конца палатки. Теперь «ангар» был открыт только спереди, и результат не замедлил сказаться – в нем прекратился сквозняк.

Когда апгрейд жилища был в первом приближении закончен, я срезал еще одну длинную ветку с «ивы», привязал к ней леску с грузилом, крючком и поплавком и отправился к бухте добывать себе обед. По дороге сдвинул в сторону валявшийся на земле ствол дерева и набрал червей, по виду неотличимых от обычных дождевых.

Уже подойдя к воде, я вспомнил, что рыбаки обычно выходят на промысел на рассвете или закате, а в другое время у них, кажется, не клюет. Но не сидеть же теперь голодным из-за этого? Все бутерброды съедены еще вечером, осталось всего два яйца, полтора кило картошки и банка тушенки как неприкосновенный запас на крайний случай.

Клевать все-таки начало, и почти сразу. Уже через пятнадцать минут на кукане висели три рыбины наподобие обычных черноморских бычков, но как минимум по полкило каждая. Я снова забросил удочку, но тут клюнуло что-то очень здоровое. Оно без труда оборвало леску и умотало с моими поплавком, грузилом и крючком, даже не дав себя увидеть хоть мельком, и я, подхватив пойманных рыбин, отправился к дому – в конце концов, на уху и их хватит.

За пять дней, проведенных мной на берегу моря, рыбное меню надоело мне по самое дальнее некуда, а с охотой получился полный облом. Ведь ружье не лезло в рюкзак, и мне пришлось ограничиться только наганом. И вот, значит, утром третьего дня я крался по лесу, держа в руке взведенный револьвер. Ну насчет крался – это небольшое преувеличение, однако я очень старался шуметь, по крайней мере, потише бульдозера. Во всяком случае, в прошлый раз голубь-переросток подпустил меня метров на десять, так почему этому явлению не повториться? С десяти же метров можно вполне надеяться на успешный выстрел.

Сидящая невысоко от земли птица обнаружилась довольно быстро, но на этом везение кончилось. Я прицелился, нажал спусковой крючок, но наган в ответ только клацнул –

осечка. Снова попытался выстрелить, и с тем же самым результатом. Сработал только пятый патрон, но птица к тому времени уже давным-давно улетела.

В общем, патронов у меня, оказывается, нет, без особого энтузиазма размышлял я по дороге к палатке. Все правильно, они же сорок восьмого года выпуска, вполне могли и испортиться за прошедшие шестьдесят семь лет. Потому как если стреляет только каждый пятый, то какой с них толк? Хорошо, что здесь была всего лишь птица. А если бы на меня несся разъяренный кабан? Хотя, наверное, против него не очень помогли бы и вполне годные патроны. В общем, с острова ни ногой, пока не вооружусь как следует, а то мало ли какие зверюги могут водиться на более крупных участках суши!

Примерно так я думал, расстилая покрывало для возвращения домой. Зачем оно мне понадобилось, раз перенос все равно осуществляет кольцо? Да просто для изоляции от Земли. Именно с большой буквы, то есть планеты. А то перенести ее всю в будущее у кольца точно не хватит мощности, да и место там уже занято. Хорошо, если кольцо просто не работает, а вдруг оно сломается? Провести остаток лет на острове мне совершенно не улыбалось, хоть там сейчас и стоит вполне приличная палатка с тентом, а лет, если судить по примеру деда, будет достаточно много.

Дома я первым делом сравнил фотографии луны и Большой Медведицы с тем, что нашлось в Интернете. Так вот, луна однозначно была той же самой, а созвездие – столь же однозначно другим. Тогда я стал искать информацию о том, каким оно было в прошлом и каким станет в будущем, причем нашел искомое в тот же вечер. Судя по виду Большой Медведицы, моя палатка сейчас отстояла от меня по времени примерно на сорок тысяч лет плюс-минус пять тысяч. Так это что же, там сейчас вовсю бегают мамонты попеременно с гигантскими носорогами, а на них охотятся троглодиты? Хорошо хоть не на моем острове – там, кажется, вообще нет никого, кроме птиц и небольшого количества бабочек. Что, впрочем, совершенно не удивительно для клочка земли размером примерно восемьсот на пятьсот метров.

В следующий заход я притащил на остров заряженный автомобильный аккумулятор и небольшой движок постоянного тока, свинченый на работе с какого-то допотопного списанного устройства, валявшегося в подвале. Из него я собирался сделать ветрогенератор для зарядки. Сам же аккумулятор нужен был для света, а то батарейки все-таки хоть и не очень быстро, но садились.

Тем временем продолжительность дня удлинялась все медленнее, и наконец наступило летнее солнцестояние. Определив угол максимального подъема солнца и вычтя из него широту тропика, я получил одну из координат места, куда меня закидывало кольцо, – тридцать семь градусов северной широты плюс-минус градуса два в любую сторону. То, что полушарие северное, я знал со второго посещения, ведь солнце было на юге, да и не увидел бы я Большую Медведицу из южного полушария. Но в отличие от героев Жюль Верна мне не было нужды хотя бы мысленно исследовать всю тридцать седьмую параллель в поисках искомой точки. Я и так понял, что нахожусь в Средиземном море, причем скорее всего в той его части, что называется морем Эгейским. Об этом мне сказала отсутствие хоть сколько-нибудь заметных приливов и отливов. То есть мой остров лежал посреди какого-то достаточно хорошо закрытого соленого моря, а на северной тридцать седьмой параллели оно только одно. Относительно Эгейского – это была моя догадка, основанная на том, что там до фи́га островов любых размеров, чем не могут похвастаться прочие области Средиземного моря. Впрочем, это только в двадцать первом веке, а что было в минус сороковом тысячелетии, мне выяснить не удалось, да и не больно-то хотелось. В конце концов, «где-то в Сре-

диземном море» – это достаточно точный адрес, а уточнять его все равно придется самому и по месту.

В принципе оставался еще один вопрос, подлежащий уточнению. Выглядел он так – а что мне теперь делать с этим островом, который я уже считаю своим? Да и с самой возможностью посещать прошлое тоже.

Первый раз я сунулся сюда из азарта, усиленного любопытством. Во второй – просто сделал то, что вообще-то собирался в первый, но у меня не получилось. То есть слегка разобрался, что это за мир такой, и минимально в нем обустроился. Однако теперь следовало решить, что делать дальше.

К моей чести, у меня даже не мелькнуло мысли поделиться тайной с бизнесом или, упаси господь, с властями. Она только попыталась мелькнуть, но тут же с жалобным писком издохла под напором неопровержимых аргументов. И так, например, я напишу письмо президенту. Потом еще одно. После какого-то по счету очередного придут санитары.

Предположим, мне как-то удастся убедить власти дать возможность доказать, что мои утверждения – это не бред. Например, притащить им голубя размером с курицу, в двадцать первом веке таких уже нет. Тогда в самом лучшем случае меня попросят снять кольцо. Услышав, что оно не снимается, предложат лечь на операцию. Если откажусь, то операция пройдет без моего согласия, только и всего.

А потом возможны только два варианта.

Или кольцо, снятое вместе с пальцем и освобожденное от его останков, будет нормально работать на другом носителе. Тогда я мирно умру от послеоперационного осложнения, потому как на фигу им живой свидетель в таком наиважнейшем деле? Да к тому же враждебно по отношению к ним настроенный.

Или оно напрочь откажется работать на ком-то другом, и тогда мне на всю оставшуюся жизнь уготована роль подопытного кролика в каком-нибудь достаточно хорошо охраняемом месте.

Ясное дело, что ни один из этих вариантов меня совершенно не устраивал. А это означало, что с островом в частности и миром в целом придется разбираться самому.

Можно, например, сплавить куда-нибудь в Южную Африку и набрать там золота и алмазов. Но, во-первых, это, наверное, надо уметь, вряд ли они валяются там просто так на самом виду. Во-вторых, на чем плыть? Меня брали сомнения, что кольцо утащит в прошлое пароход или хотя бы яхту, да и не умею я с ними обращаться, ибо до сих пор самостоятельно управлял только одним плавсредством – надувным матрасом. Да и то это было давно, еще в детстве.

Наконец, если даже я как-то доберусь до места и найду искомое, то что с ним делать дальше? Просто так его не продашь, а не просто – это значит связываться с криминалом, что весьма и весьма чревато. Нет, планы быстрого обогащения лучше пока не вынашивать. Но чем заняться вместо этого?

Вообще-то один вариант применения острова мне пришел в голову почти сразу, как только я вспомнил, что происходило перед «концом света» в декабре двенадцатого года. Во всяком случае, один из моих знакомых построил под дачей какое-то бомбоубежище, натаскал туда продуктов и просидел там весь так называемый конец, а потом, похоже с разочарованием, вылез. Но погреб на случай апокалипсиса у него теперь имеется, что позволяет ему смотреть в будущее с чуть большим оптимизмом, чем до того. И он не одинок – у многих олигархов есть гораздо более защищенные и комфортабельные убежища. Так вот, мне теперь не страшен вообще никакой апокалипсис, если он придет не мгновенно, а окажется растянут хотя бы на пять минут. И доживать свой век я буду в куда лучших условиях, чем

любой президент или даже председатель совета директоров ФРС, или как там еще у них называется самый авторитетный в этой банде.

Однако особого энтузиазма это соображение у меня не вызвало, потому что в быстрый апокалипсис я как-то не очень верил. Нет, он, ясное дело, наступит, но не так скоро, а поколения через два-три. Если, конечно, человечество не одумается и не перестанет ставить во главу угла неограниченное повышение качества жизни каждой отдельной личности, имеющей деньги, но такое больно уж маловероятно.

В общем, после недолгих раздумий я пришел к выводу, что в моем владении находится нечто достаточно ценное, и осталось только понять, в чем именно эта ценность заключается. То есть по возможности разобраться как со свойствами кольца, так и того мира, в который оно переносит мой организм и непосредственно касающиеся его предметы. Например, почему там мне все время хочется жрать? А через час после того, как набью брюхо так, что больше уже не лезет, тянет на физические упражнения. В последний раз вместо очередного обхода острова я взял топор и, как какой-нибудь потомственный лесоруб, свалил молодой кедр диаметром ствола сантиметров тридцать и высотой около пятнадцати метров. А потом стоял около него и соображал – дальше-то что с ним делать? Пустить на дрова – жалко, на доски – нечем, хотя Робинзон Крузо вроде как-то ухитрился тем самым топором сделать из бревна доску.

Зато как вернуться в свое время – сразу и аппетит пропадает, и двигаться лень. Через пару дней все вроде возвращается в норму, но не до конца. Во всяком случае, в прошлом самочувствие всегда лучше, чем в настоящем. А что это означает? То, что в поисковике надо набрать слова «купить белую крысу в Москве». Желательно с доставкой на дом. Мне нужно много крыс – больных и здоровых, молодых и старых. Вот на них и посмотрим, как в долгосрочной перспективе на организме сказываются путешествия во времени.

И, пожалуй, еще надо как-то выяснить, каковы предельные размеры и вес того, что кольцо может переносить на остров.

Глава 4

По ком звонит колокол? По крысе или...

Сталинский дом на Ломоносовском проспекте, где я теперь жил, заметно отличался от пятиэтажки в Новых Черемушках, причем в лучшую сторону. В частности, в нем был лифт. Но, правда, всего один на подъезд, что создавало определенные неудобства. Например, когда он однажды встал, то пришлось тащиться на шестой этаж пешком. Я потащился, по пути уныло рассуждая о несовершенстве мироздания. Вот нет чтобы подобному случиться на моем острове, да после хорошего обеда! Когда меня прямо распирает от желания куда-то приложить мышечную энергию. Да я бы до чердака галопом домчался не запыхавшись! А тут приходится переставлять ноги, хотя больше всего хочется упасть в кресло и неспешно подумать о чем-нибудь возвышенном.

На площадке между третьим и четвертым этажом я обнаружил, если так можно сказать, товарища по несчастью. Почему «если можно»? Да потому, что у слова «товарищ» нет женского рода, а передо мной стояла старушка. Хотя нет, это только с первого взгляда. На самом деле там рядом с двумя набитыми пакетами изволила остановиться крайне величественного вида высокая старуха, хватаящая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. На вид ей было лет восемьдесят, и, не то несмотря на этот факт, не то благодаря ему, было ясно, что за ней стоят многие поколения благородных предков. Наверное, когда-то именно так выглядели всякие герцогини-матери или, точнее, прабабушки, подумал я и спросил:

– Что с вами – вам плохо?

«Герцогиня» отреагировала на мой вопрос нестандартно. Она еще побледнела, хотя дальше вроде было некуда, посмотрела на меня, как на привидение, и потрясенно выдохнула:

– Макс?

Однако тут же спохватилась и добавила:

– Простите, молодой человек, я вас приняла за одного знакомого. Еще раз простите, к старости мое и без того неидеальное зрение стало совсем никудышным.

Понятно, прикинул я. Дед не раз говорил мне, что я – это вылитый он в молодости, и даже показывал в подтверждение пару пожелтевших фотографий. Нет ничего удивительного в том, что эта пожилая дама, судя по всему живущая в том же подъезде, была с ним хоть шапочно знакома и приняла меня за него. Хотя, пожалуй, обращение «Макс» говорит о более основательном знакомстве, нежели просто шапочное.

– Нет, я не Максим Владимирович, я его внук. Вам, наверное, тяжело подниматься? Давайте помогу. На какой вам этаж?

– На тот же, что и вам, – на шестой. Мы с вами соседи по лестничной площадке, если вы сейчас живете в квартире своего деда, мир его праху.

Так я познакомился с Екатериной Арнольдовной Мезенцевой, вдовой известного геолога, доктора наук и лауреата сначала Сталинской, а потом и Государственной премий. Сама же она до выхода на пенсию была химиком. Собственно, за первый месяц все знакомство свелось к тому, что я один раз сопровождал ее в магазин, а потом притащил домой сумки, после чего был напоен чаем с малиновым вареньем. И собирался время от времени повторять подобное, потому как старуха, в отличие от моего деда, явно испытывала определенные финансовые трудности и потихоньку распродала антикварную мебель и книги, оставшиеся ей от мужа. Так вот, ходить в магазин ей было трудно, а заказывать доставку на дом – неподъемно в денежном плане. И я, временами сам удивляясь внезапно прорезавшемуся во

мне человеколюбию, если не вообще душевному благородству, начал покупать соседке продукты по дороге домой. Причем, что уж вовсе удивительно, меня так и тянуло при отчете уменьшить сумму потраченных денег! И это при том, что ранее я не был замечен даже в переводах старушек через улицу. Только в метро иногда уступал им место, да и то не всем подряд, а исключительно особо древним. Чудеса, да и только. Единственная приемлемая гипотеза, которую мне удалось родить по данному поводу, состояла в том, что душевное благородство заразно. Но не бежать же теперь в поликлинику подставлять задницу под уколы! Тем более что оно мне не больно-то и мешало, особенно учитывая, что «обсчитывал» я соседку всего два раза. После первого она долго поила меня чаем, а после второго заметила, что ей, конечно, очень лестна моя забота. Настолько, что, будь она раза в четыре моложе, могла бы сделать определенные выводы. Однако сейчас, будучи старой и страшной калошей, она просит меня прекратить благотворительность, иначе придется вовсе отказаться от моей помощи. Сказано это было довольно грустно, и я решил сделать бабушке что-то вроде комплимента:

– Насчет старости и страшности вы, Екатерина Арнольдовна, преувеличиваете. Я не раз встречал женщин и старше на вид, и моложе вас, но куда страшнее. А вашим волосам, например, может позавидовать иная тридцатилетняя.

– Это сейчас вся молодежь такая ненаблюдательная или только вы один? – вздохнула собеседница. – Вадик, неужели не видно, что это парик, хоть и довольно дорогой? А то, что под ним, лучше вовсе никому не показывать – самой и то в зеркало глядеть противно.

Естественно, что параллельно с помощью соседке я помаленьку занимался благоустройством своего острова. И опытами над крысами, которые дали неожиданные результаты.

Крысята совершенно без последствий переносили переход как туда, так и обратно, хотя последний, похоже, им все-таки чем-то не нравился – как и мне. Но вот старая и большая крыса, которая явно собиралась издохнуть со дня на день, в прошлом вдруг ожила. Проплешины на ее шкуре за несколько дней покрылись шелковистой шерсткой, в животном проснулся интерес к жизни, и оно принялось жрать как крокодил. Все подряд, включая сухую траву, которую я набросал в клетку в качестве подстилки.

Это подвигло меня повнимательнее присмотреться и прислушаться к себе. Впрочем, одно изменение не заметить было трудно – начал чесаться, а потом полностью исчез довольно приличный шрам на левой руке, полученный в молодости при неосторожном обращении со сверлильным станком. И, кажется, я начал немного лучше видеть, хотя и до того поводов обращаться к окулисту не было.

Тут меня посетила несколько неожиданная мысль. Некоторое время я пытался ее задавить, но мысль, зараза такая, не давалась. Сформулировалась она примерно так: соседке все равно скоро помирать, сейчас она выглядит еще хуже, чем в первый день нашего с ней знакомства. Так почему бы не попробовать взять ее с собой на остров – вдруг с ней там произойдет примерно то, что с крысой? В любом случае терять ей, считай, нечего. Сам удивляясь своему решению, я вышел на лестничную площадку и позвонил в соседнюю дверь.

Минуты через три она открылась.

– Вадим, что-нибудь случилось? – обеспокоенно спросила соседка.

– Пока вроде нет, но может. В общем, мне надо вам кое-что сначала рассказать, затем показать, а потом предложить.

– Вы меня заинтриговали, – старуха посторонилась, – проходите. Чай вам поставить?

– Спасибо, не надо. Итак, слушайте...

Надо сказать, что особенно развернуться мне не дали. Только услышав про кольцо, Екатерина Арнольдовна меня перебила:

– Так, значит, то, что у вас на левой руке, – это кольцо Максима и оно снова работает? Да не удивляйтесь, мы с вашим дедом одно время были достаточно близки, и он мне все рассказал. Что вы на меня так смотрите? А, понятно... минутку.

Она подошла не то к серванту, не то к комоду – не разбираюсь я в названиях старинной мебели. Выдвинула ящик вниз, что-то оттуда достала и протянула мне. Это оказалась старая фотокарточка, но все же цветная. С нее мне улыбалась ослепительная красавица – сказать по-другому не поворачивался язык. Она стояла в купальнике на берегу моря. Ее обнимал за плечи загорелый мускулистый мужчина, в котором я с немалым удивлением чуть было не узнал себя, но потом догадался, что это дед.

– Семьдесят девятый год, Судак, – пояснила дама. – Я тогда была совсем молодая, только-только стукнуло пятьдесят. А Макса годы вообще не брали почти до самой смерти.

Я смотрел на фото и офигевал. Да, всякие фотомодели и звезды эстрады довольно часто в полтинник выглядят неплохо, но все же не так. Да и потом, у них там сразу не разберешь, где результат удачной пластической хирургии, а где банальная фотожаба. Теперь мотивы деда стали вполне понятны, тем более что святым в вопросах женского пола он никогда не был, как мне неоднократно говорила мать.

– Замечательный снимок. – Я вернул карточку владелице. – И, раз вы почти все знаете, напоследок расскажу вам про одну крысу.

– Когда мы туда отправляемся – сейчас? – поинтересовалась Екатерина Арнольдовна, внимательно выслушав о метаморфозах, произошедших с мелким грызуном.

– Нет, нужно еще купить палатку для вас и собрать то, что вам может понадобится на острове, в застегивающуюся на молнию сумку. Кроме того, вам необходимо одеться во что-нибудь, представляющее собой одну деталь.

– Это как и почему?

Я объяснил закономерности переноса, про которые знал точно:

– Вместе со мной в прошлое отправляются те предметы, которых я касаюсь своей кожей. Предположим, мы возьмемся за руки. В таком случае вы перенесетесь, а вся ваша одежда останется тут.

– Да уж, зрелище выйдет на редкость непривлекательное. Ладно, придумаю что-нибудь. А палатка у меня есть, она осталась еще с тех времен, что на фотографии. Тогда, наверное, давайте назначим путешествие на завтрашний вечер.

Надо сказать, что Екатерина Арнольдовна успела весьма основательно подготовиться к путешествию в прошлое, несмотря на малый срок, имевшийся в ее распоряжении. Когда следующим вечером я зашел к ней, она была в комбинезоне с высоким воротником, а на ковре посреди комнаты лежали свернутая палатка и сумка. Я положил рядом свой рюкзак и на всякий случай поинтересовался:

– Не передумали? Ну, раз нет, тогда садитесь вот тут. На стульчик нежелательно, он же останется здесь, а там вам придется падать с его высоты, потому как переход, по крайней мере у меня, вызывает кратковременную потерю сознания. Просто сесть на ковер можете?

Это получилось, хоть и не сразу. Я закинул рюкзак за спину, немного переложил сумку и палатку, после чего стал на них коленями. Из одежды на мне были майка, трусы, шорты и кроссовки на босу ногу, то есть контакт со всем подлежащим перемещению вроде получался нормальным. Потом протянул руку соседке, и она, выпустив из-под рукавов какие-то шнурки, вцепилась в мой локоть.

– А они зачем? – не понял я.

– Я их на всякий случай пришила к прочим деталям туалета, которые под комбинезоном, – пояснила будущая путешественница во времени. – Перенесутся – хорошо, нет – тоже не очень страшно. Мы уже отправляемся?

Она наклонила голову к моей руке и попросила:

– Возьмитесь, пожалуйста, двумя пальцами за локон парика, а то мне не хотелось бы оказаться там без него. И, если можно, не задерживайтесь со стартом – долго в такой позе мне не высидеть.

– Уже начинаю, держитесь крепче.

После переноса я пришел в себя сразу, даже не успев упасть с палатки и сумки. Правда, соображал еще плохо и только примерно через минуту заметил, что спутница лежит в какой-то не очень естественной позе и не шевелится. Да и выглядела она больше похожей на труп, чем на ту пожилую даму, что недавно сидела на ковре рядом со мной.

Ну вот, угробил бабушку, мелькнула паническая мысль, однако тут «угробленная» зашевелилась и попыталась приподняться. Я помог ей, радуясь, что она хотя бы осталась в живых, и пытаюсь сообразить, надолго ли это. Потому как выглядела она гораздо хуже, чем при отбытии, как будто разом постарела еще лет на десять.

– Екатерина Арнольдовна, что с вами? Вам плохо?

– Мы уже перенеслись? Да, действительно, а я даже как-то не до конца верила, вы уж простите старуху. Самочувствие же мое не хуже, чем должно быть в таком возрасте, – с некоторым недоумением ответила она. – А разве с моим видом что-то не так? Тогда погодите минутку.

Она расстегнула свою сумку и достала зеркальце, взглянув в которое рассмеялась.

– Вадик, – сказала она, повернувшись ко мне спиной и начав еще что-то искать в сумке, – вспомните свой рассказ про первое путешествие сюда. Вы потом не могли понять, почему носки, в которых вы почти целый день бродили по берегу, остались практически чистыми. Они ведь контактировали с вашими ногами и перенеслись назад в будущее, а у налипшей на них грязи такого контакта не было. Вот и здесь почти то же самое. Я перенеслась на ваш остров, ибо крепко за вас цеплялась, а вся штукатурка осталась в двадцать первом веке.

– Что? – не понял я.

– Косметика. То, что вас так ужаснуло, – это и есть натуральный вид старой карги, непонятно почему вдруг сильно зажившейся на белом свете. Думаете, легко в моем возрасте и с соответствующим ему набором болячек выглядеть не больше чем на семьдесят? В общем, если вам не трудно, займитесь чем-нибудь полезным, а я примерно через полчаса надеюсь вновь стать хоть и отдаленно, но все же похожей на женщину.

– Я поставлю вашу палатку. Насчет места пожелания будут?

– Замечательно, буду вам очень благодарна, а место – на ваше усмотрение. Прошу простить, что вам приходится разговаривать с моей спиной, но у меня, увы, на это есть весьма весомые причины.

С приведением в порядок своей внешности дама возилась заметно дольше, чем обещала. Я успел натаскать сухой травы и выстелить ею место, на которое потом поставил палатку. Она оказалась несколько меньше моей – два на два метра и в высоту метр восемьдесят. Потом достал из своего рюкзака матрас – я его взял, не будучи уверенным, что он есть у моей спутницы. Надул, положил рядом одеяло и постельное белье. Затем повесил к потолку фонарь, протащил проводку от него к аккумулятору от списанного бесперебойника. Поставил в углу металлическую кружку и положил рядом складной нож с ложкой и вилкой. Потом принес дров и успел разжечь костер, когда наконец Екатерина Арнольдовна сочла свой вид настолько приличным, чтобы показаться мне. У меня отлегло от сердца – теперь она выглядела даже несколько лучше, чем обычно.

– Все, я готова к доисторической жизни, – сообщила она. – Что мне делать?

– Наверное, обустроившись в палатке. Где-то через час у нас будет ужин. В меню устрицы, но их еще надо собрать, потом сварить, этим займусь я. А вы, если станет скучно, можете поддерживать костер.

В своей палатке я разделся до трусов, взял маску, ласты, большой нож и хотел было отправиться к бухте, но соседка, глянув на мой вид, спросила:

– Вы их будете собирать? Тогда возьмите вот это.

Она достала из своей сумки какую-то сетку с ручками.

– Это авоська, безразмерная сумка для походов за продуктами. Возможно, сейчас она не очень распространена, но в советское время была весьма популярна. Мне кажется, в нее будет удобно складывать ваших устриц, если я правильно представляю себе их размеры.

Набирать «устриц», под которыми подразумевались все те же мидии, только новое название звучало как-то благороднее, в авоську действительно оказалось удобно, и добыча полуфабриката для ужина заняла полчаса. Разумеется, теперь я не собирался есть их сырыми или тем более предлагать такое своей гостье, ибо приготовить моллюсков было совсем нетрудно. Надо просто немного почистить раковины от внешних наслоений ножом, а потом бросить в кипящую смесь двух третей пресной и одной трети морской воды. Естественно, что кипение тут же прекратится, а когда оно только-только начнется снова, мидии готовы. Тех, которые раскрылись, можно подавать к столу, а которые нет – это отходы.

Мои опасения, что старушка заболит от первобытных условий жизни, оказались беспочвенными. Мало того, в молодости Екатерина Арнольдовна, по ее словам, часто ходила в походы, так что разводить костер у нее, например, получалось лучше, чем у меня. Да и с удочками она сидела довольно результативно. Но вот молодеть, как та крыса, не начала и через неделю островной жизни, и через две, и через три тоже. Разве что немного поправились, то есть перестала так уж сильно напоминать мумию.

Я несколько раз сходил в Москву – в основном за продуктами, по определению отсутствующими на острове. И притащил ружье, так что теперь в нашем меню стала регулярно появляться птица. Кстати, выяснилось, что ее надо не только ощипывать перед употреблением, но и обжигать на открытом огне! Впрочем, все кулинарные работы соседка взвалила на себя, а мне оставалось только охотиться. По поводу чего однажды вечером Екатерина Арнольдовна попросила меня:

– Вадик, вас не затруднит принести из будущего калиевую селитру, серу, ацетон, мебельный нитролак и кофемолку, какую не жалко? Хочу попробовать сделать порох, а то патроны к ружью скоро кончатся. Насколько я понимаю, те, что в латунных гильзах, как раз снаряжены дымным? Оставьте штуки три, чтобы мне было с чем сравнивать.

– А вы не взорветесь?

– Молодой человек, я все же кандидат химических наук. И занималась почти тем же самым – под руководством Несмеянова делала искусственную черную икру. А тут черный порох, это даже проще.

– Так это вы изобрели то, что сейчас продается во всех магазинах?

– Надеюсь, вы не хотели меня оскорбить. Нет, наш продукт при желании можно было даже есть, в отличие от того, что продается сейчас, которое и нюхать-то противно.

В Москве я немного почитал про черный порох. Собственно, я и раньше подозревал, что кроме перечисленного соседкой для его производства требуется древесный уголь, причем лучше всего ольховый. А вот про ацетон и мебельный лак в прочитанных мной материалах почему-то не упоминалось. Но, в конце концов, Екатерине Арнольдовне виднее.

Уголь везде продавался только березовый, так что я купил ольховой щепы в магазине банных принадлежностей – обжечь ее без доступа воздуха будет нетрудно и на острове. И,

попихав мешки с реактивами, банку лака, преобразователь из двенадцати в двести двадцать и две кофемолки в пару сумок, переместился на остров.

– А это зачем? – поинтересовалась дама, разглядывая пакет со щепой.

Я рассказал ей про уголь.

– Вы решили, что я уже в маразме и забыла про один из необходимых компонентов? Спасибо за заботу, но она лишняя. Во-первых, того, что вы принесли, все равно слишком мало, исходя из количества селитры и серы. А во-вторых, дерево, к которому привязан задний конец шнура, поддерживающего ваш тент, называется ольхой. И это не единственная ольха в радиусе пятидесяти метров от нашего костра.

Вечером дама рассказала мне, как со стороны выглядит поход в будущее и возвращение обратно. Оказывается, так: вот я сижу на площадке. И вдруг в какой-то момент я исчезаю, через пару секунд появляюсь снова, но уже в другой позе, а в моих руках оказываются сумки! То есть кольцо всегда возвращалось в тот же момент времени этого мира, в который его покинуло, плюс примерно две секунды. При путешествии в обратном направлении, судя по моим опытам с часами, происходило то же самое.

Кроме прикладной химии, готовки пищи и мытья посуды Екатерина Арнольдовна взяла на себя заботу о бывшей умирающей крысе, которая так и жила в клетке. И как-то раз поделилась со мной своими мыслями:

– Вадик, вы говорили, что она помолодела за неделю? Но ведь крыса живет года два, а человек – примерно восемьдесят. И раз он стареет в сорок раз медленнее, то, наверное, и молодеть должен так же? Тогда мне здесь еще сидеть и сидеть до появления первых результатов.

– Может, хотите устроить небольшой перерыв?

– Нет, не хочу. А хочу попросить вас при очередном визите в Москву взять с собой эту крысу и посмотреть, что с ней будет.

Бабушка как в воду смотрела – ничего хорошего с крысой не стало. Она почти сразу почувствовала себя плохо, а к вечеру умерла.

Глава 5

Теперь понятно, зачем нужен остров

Надо сказать, что смерть крысы основательно выбила меня из колеи. Ведь из нее следовало, что Екатерине Арнольдовне вообще нельзя возвращаться в родное время! И, значит, ответственность за ее жизнь и хотя бы минимальный комфорт лежит на мне. А на острове, между прочим, сейчас уже конец июля. Скоро наступит август, а там и до зимы недалеко. Вряд ли она будет как в Москве, но старушке, чтобы дать дуба, особых морозов и не потребуется. Тем более что сорок тысяч лет назад еще продолжался ледниковый период, и, значит, зима все-таки будет несколько холоднее, чем сейчас в Средиземноморье.

Проникнувшись этими соображениями, я сел соображать, какими финансовыми возможностями располагаю.

Итак, зарплата у меня без малого шестьдесят тысяч в месяц на руки. Плюс еще двадцать семь тысяч получаю за сдаваемую старую квартиру. На оплату коммунальных услуг и транспорт уходит около десяти тысяч. Плюс двадцать тысяч на еду. Нет, так не пойдет, тут пора начинать экономить. Одежда и обувь у меня есть, в ближайший год можно ничего не покупать. В общем, на обустройство острова и кормежку соседки остается как минимум пятьдесят тысяч, этого должно хватить. Кстати, она, похоже, сама догадалась, что в нашем времени произойдет с крысой, оттого и старается взвалить на себя побольше, чтобы не быть мне в тягость. Причем, кажется, иногда через силу. Ладно, подвел я итог невеселым размышлениям, с этим можно будет разобраться на острове, а пока следует купить хорошую бензопилу. Или для начала обойтись какой-нибудь дешевкой, которую будет не жалко сломать в процессе приобретения навыков обращения с ней? Пожалуй, так будет правильной, решил я.

В этот раз я приволок на остров генератор, бензопилу, двадцатилитровую канистру бензина, две фляжки с маслом, электрическую дисковую пилу «Интерскол» и набор столярного инструмента. Увидев все это богатство, Екатерина Арнольдовна без особой грусти в голосе констатировала:

– Если я не ошибаюсь, бедная крыса приказала нам долго жить. А какая тут будет зима, вы не знаете. Вряд ли очень холодная, но минусовые температуры не исключены. Вы собираетесь делать сруб?

Я облегченно вздохнул – кажется, соседка воспринимает свою судьбу философски.

– Не собираюсь, у меня же нет опыта, а времени мало. Да и тяжело мне будет одному таскать бревна.

– Не держите меня совсем уж за инвалида, – возразила соседка. – Как-то помочь я все же смогу.

– Извините за вынужденное хамство, Екатерина Арнольдовна, но я не знаю, что в вашем возрасте может случиться от попытки поднять бревно – грыжа или что-нибудь похуже. И знать этого не хочу. Поэтому мы начнем с того, что серьезно утеплим и укрепим вашу палатку. Сделаем вокруг нее навес вроде того, что прикрывает мою, только капитальный. Глядишь, потом и на мою палатку время останется.

Женщина, похоже, хотела что-то возразить, но сказала только:

– Поступайте как считаете нужным, Вадик. Только прошу все-таки не отказываться совсем от моей посильной помощи. Обещаю, что не буду пытаться делать ничего выходящего за пределы моих возможностей, и все будет хорошо. Особенно если вы в ближайший заход принесете на остров медикаментов, список я вам дам.

С палаткой все получилось неожиданно быстро, недели за две. Все тонкие прямые деревца в ближайших окрестностях нашего лагеря были спилены, и я превратил их в какое-то подобие реек. Из них мы собрали треугольный в плане каркас вокруг палатки. Потом я притащил из будущего пенопластовые листы и обшил ими каркас, а сверху натянул тент. Получилось сооружение, с виду похожее на то, в котором жил я, но без щелей и с дверью в закрытом переднем торце. В качестве обогревательного прибора там была установлена туристическая печка «Дымок». В общем, получился не навес над палаткой, как у меня, а маленький отапливаемый сарайчик, внутри которого она стояла. Кстати, уже не на земле, а на рубероиде, а внутри весь пол был застелен коврином.

Потом точно такие же операции были произведены с моим жилищем – и, как оказалось, очень вовремя. Буквально на следующий день после окончания работ зарядили дожди. Сразу похолодало, теперь температура днем не дотягивала до двадцати градусов, а ночью иногда опускалась ниже десяти. Я притащил из будущего тушенки и всяких круп, и поначалу мы в основном сидели каждый в своей палатке, общаясь только за обедом и ужином.

Однако аппетит почему-то не пропал ни у меня, ни у соседки. И желание как-то проявить мышечную активность тоже. Я начал, не обращая внимания на дождь, валить деревья и при помощи лебедки подтаскивать стволы к лагерю, а Екатерина Арнольдовна занялась исследованием острова. После обеда она надевала резиновые сапоги и болоньевый плащ с капюшоном, брала палку и, прихрамывая, потихоньку удалялась в лес, возвращаясь примерно за час до ужина, чтобы успеть его приготовить. Ну а я, как уже говорилось, пилил деревья. И где-то в середине сентября допилил.

Когда работаешь бензопилой, ни холод, ни морозящий дождь как-то не чувствуется. Когда ворочаешь тяжеленное бревно, а потом тащишь его лебедкой – тоже. Но между этими событиями бывают перерывы, и в один из них я ухитрился простудиться. Причем здорово, уже на второй день температура подскочила до тридцати девяти с половиной, и Екатерина Арнольдовна, прослушав меня при помощи фонендоскопа, сказала, что сильно подозревает воспаление легких.

– Вадик, вам срочно надо в Москву, – подытожила она.

У меня от температуры путались мысли, но я помнил, что в Москву мне почему-то не надо. Блин, да почему же? А, кажется, сообразил...

– Екатерина Арнольдовна, всякий раз, возвращаясь в тот мир, я чувствую упадок сил, да вообще самочувствие всегда немного ухудшается. А в моем состоянии много может оказаться и не нужно, тогда что вы тут будете делать совсем одна? Нет уж, я точно помню, что принес сюда и шприцы, и антибиотики. Надеюсь, вы умеете делать уколы?

– Конечно, – кивнула соседка. – Тогда переворачивайтесь на живот, а я принесу все необходимое.

Дальнейшее я помню смутно. То есть видения-то были довольно яркие, но вот различить, где просто сны, где бред, а где реальность, получалось как-то не очень. Хорошо запомнилось, что за мной ухаживала какая-то необычайно красивая девушка, похожая на Екатерину Арнольдовну с фотографии в Судакe, но заметно моложе. Кажется, я признавался ей в любви. Но тут из леса выходил покойный дед с автоматом ППШ в руках и простым русским языком советовал идти известным маршрутом – мол, здесь тебе ничего не светит. Потом вообще начались какие-то летающие медузы, заполнившие палатку, а дальше все провалилось в темноту.

Однако я выкарабкался, причем пришел в себя довольно резко. Огляделся – лежу в палатке, вроде все как было. Приподнялся и сел – это получилось без особых усилий. Огляделся еще раз и обнаружил, что рядом с моим матрасом лежит матрас Екатерины Арнольдовны. Это что же, старушка не отходила от меня все время, пока я валялся без памяти?

Тут она зашла в палатку. Увы, никакого чуда с соседкой не случилось. Или, точнее, почти никакого. Она слегка поправилась и выглядела немного помолодевшей. Лицо смотрелось именно лицом, хоть и далеко не юным. Но, во всяком случае, это был не череп, обтянутый пергаментом, как в первый момент ее появления здесь. Впрочем, и сейчас я видел скорее результат умелого применения косметики, чем реальную картину. То есть в действительности вид соседки мог быть хуже кажущегося. И хромота ее никуда не исчезла, даже вроде стала чуть заметней. Парик несколько укоротился – наверное, обтрепался на концах, дама его и обрезала. Про фигуру ничего сказать не получалось, женщина была в мешковатом тренировочном костюме.

– О, Вадик, вы очнулись? Впрочем, что кризис прошел, было видно еще несколько часов назад. Как самочувствие?

Ее голос показался мне немного не тем, что я слышал раньше. Каким-то более старушечьим, что ли.

– Хорошо себя чувствую, только есть очень охота.

– Вам голубино-го бульона или самого голубя тоже скушаете немного?

– Мне, пожалуйста, бульона. И всего голубя, при чем тут немножко? И еще чего-нибудь, если есть.

После обильной еды меня потянуло в сон, и я продрях до вечера, зато проснулся бодрым и абсолютно здоровым. Прогулялся до ближайших кустиков, потом умылся. На шум из своего сарайчика вышла соседка. На ней был плащ с капюшоном, хотя дождя вроде не наблюдалось.

– Вижу, вы совсем ожили? Это хорошо. Но надо провести еще одну лечебную процедуру, которая, как мне кажется, окончательно закрепит выздоровление. И не возражайте, я вас лечу уже почти неделю, так что опыт есть. Идите в свой дом, я подойду минут через пять.

Странно, но голос соседки снова показался мне каким-то не таким. Только теперь он был не старушечьим, а молодым и звонким.

Когда я делал освещение в своей палатке, то сделал его с запасом. Если включить все три светильника, то становилось даже светлее, чем днем. Сейчас горел только один, самый тусклый. Вечер еще не полностью вступил в свои права, да и чего мне здесь особенно разглядывать-то?

Зашла Екатерина Арнольдовна, причем сейчас она не хромала, но почему-то прятала лицо под капюшоном. Нагнулась к выключателю и врубила полный свет. Потом выпрямилась и одним движением скинула плащ. Под ним ничего не было.

Сказать, что я офигел – это значит ничего не сказать. Женщина была невероятно красива. Такие не встречались мне не только в журналах, но даже в мечтах. И в Интернете тоже.

Лукаво глянув на мою ошарашенную физиономию с отвисшей челюстью, она подняла руки и медленно повернулась, давая рассмотреть себя со всех сторон. Если бы я был способен офигеть еще больше, то, разумеется, обязательно так и поступил бы.

Тем временем соседка сделала два шага и села рядом со мной. Я молчал, впад в оцепенение от увиденного.

Не знаю, сколько мы сидели молча – минуту, пять или пятнадцать. Наконец Екатерина Арнольдовна с мечтательным выражением на лице спросила:

– Вадик, не подскажете, как называется столица Камбоджи?

– П... Пномпень, – с трудом выдавил я.

– Вот именно. А вы, наоборот – пень пнем! Подумать только, к нему пришла прекрасная юная девушка. Разделась, села рядом и уже черт знает сколько времени изо всех сил показывает, что готова на все по первому же намеку. А он мало того что всю хлопает

ушами, так еще и руки спрятал за спину! Если мне не изменяет склероз, то во времена моей первой молодости юноши вели себя несколько иначе.

Тут она опустила взгляд и добавила:

– Кстати, независимо от ваших дальнейших планов, плавки я все-таки рекомендую снять. А то ведь они сейчас лопнут спереди, и мне же их зашивать придется.

Я, конечно, в свои двадцать девять лет не был мальчиком. И даже успел почти три года побыть в законном браке, пока жене не надоело ждать, когда же помрет мой дед – такое впечатление, что она женила меня на себе исключительно из-за его квартиры. Учитывая, что ему тогда было всего девяносто шесть лет, то понятно, что супругу ждал жестокий облом. Увидев, как на своем девяносто девятом дне рождения он выпил лишнего и пустился вприсядку, она, видимо, решила, что дед будет жить вечно, после чего подала на развод. Да и до нее, и после женщины у меня были в достаточных количествах. Так вот, ни с одной из них мне даже отдаленно не было так хорошо, как с Катей!

Когда мы немного перевели дух после бурного первого раза, я спросил, любуясь ее безупречным телом:

– Как это ты так резко помолодела всего за неделю? Тебе сейчас ни за что не дашь больше двадцати пяти лет.

– Неужели я выгляжу такой старухой? – притворно огорчилась Катя. – Но все равно мог бы в порядке комплимента сказать «восемнадцати». Или даже «шестнадцати», я бы не обиделась. А изменения начались уже через неделю здешней жизни. Просто я старалась их тебе не показывать. Сначала было страшно – а вдруг все на этом закончится? Потом начали сходить шрамы, и я поняла, что это всерьез. Вот здесь был шрам от аппендицита. Никаких следов, только он сильно чесался, пока исчезал. И, похоже, удаленный аппендикс снова отрос, потому что внутри тоже чесалось. Я продолжала скрываться, но теперь уже из других соображений. Ведь если бы ты наблюдал все эти медленные изменения, то не был бы так потрясен, увидев окончательный результат. А мне очень хотелось произвести на тебя впечатление. И ведь получилось же, а? Впрочем, мою задачу сильно облегчила твоя выдающаяся невнимательность. Ну надо же быть до такой степени слепым! Может, сходишь к окулисту, когда будешь в Москве?

Я молчал, улыбаясь. Теперь мне казалось, что на самом деле я все видел, но ничего не говорил, потому что боялся сглазить. Катя же продолжала:

– Кажется, у меня исчезло еще одно полученное в молодости повреждение организма. Ведь я же не могла иметь детей из-за неудачного аборта. И раз их не было там, то пусть они будут здесь! Ты уже понял, на что тебе намекают, или мне разъяснить по пунктам? Куда убрал руку? Положи обратно, где лежала, и давай наконец вновь займемся делом, а не болтовней. Чего тебе, между прочим, хочется ничуть не меньше, чем мне.

Глава 6

Возможности расширяются

Способность соображать вернулась ко мне через день после выздоровления. До этого я мог только любоваться на Катю – причем, кажется, с довольно глупым видом. За это время произошел переезд. Мы единогласно решили, что жить порознь нам теперь ни к чему. Ночами уже холодно, и надо либо в три часа просыпаться и подбрасывать дров в печку, либо плюнуть на это дело и вставать с утра в дрожащем виде, либо просто спать вдвоем в одном спальнике. Естественно, восторжествовал последний вариант, и Катины вещи были перенесены в мое жилище как более просторное. Бывший ее сарайчик мы решили превратить в склад. Вот тут ко мне вернулись мыслительные способности, и я начал ими пользоваться.

Итак, ответ на вопрос, зачем мне этот остров в придачу со всем миром, более не является тайной. Он предельно ясен – здесь живет самая прекрасная женщина на свете. Причем она не чья-нибудь, а моя! А отсюда в числе прочего следует, что жить она должна хорошо. Значит, пора начинать строить нормальный дом. Начать же следует с того, что я собирался сделать давно, да все как-то не доходили руки – определить предельную грузоподъемность кольца. Во исполнение какой-либо задачи я отправился в Москву, где заказал доставку на дом двенадцати сорокакилограммовых мешков цемента.

Увы, результат не потрясал воображение. Три мешка перенесли без всякого труда, а вот четыре – буквально на грани возможностей. Только через полчаса после финиша я более или менее пришел в себя, испугав при этом Катю. Самочувствие до вечера было поганым, мы даже не стали предаваться нашим обычным занятиям, а просто уснули. И возможность перемещаться восстановилась только на пятый день. Обычно же ей хватало двадцати часов в прошлом и двух с половиной суток в будущем. В общем, Катя взяла с меня слово, что более чем по сто тридцать кило за раз я таскать не буду, дабы не надорваться. То есть планы построить кирпичный дом накрывались медным тазом. Ничего, в деревянном тоже очень неплохо, решил я и сел изучать литературу по дачному домостроению.

Тем временем в Москве наступила осень, а на острове зима. Как и ожидалось, она была довольно мягкой – примерно как конец ноября в столице. То есть температура держалась где-то вблизи нуля, иногда шел снег, потом он превращался в дождь. Примерно неделю продолжались морозы, ночью доходящие аж до минус пяти градусов. Но в моем сарайчике было достаточно тепло, печка справлялась, только пришлось нарастить трубу для улучшения тяги. Потом морозы кончились, и снова началась слякоть.

Впрочем, в одну погоду существенно отличалась от московской – на острове почти постоянно дули сильные ветры, в основном с востока. Пару раз разыгрывались самые настоящие штормы.

Все заботы по добыче пропитания взяла на себя Катя. Она сидела с удочкой на берегу, иногда брала ружье и шла подстрелить очередного голубя. Вовремя любимая озаботилась изготовлением пороха, дедовские патроны уже почти кончились, а получить лицензию на покупку гладкоствола оказалось более муторным занятием, чем это мне представлялось. Раньше чем через неделю по московскому времени ее у меня не будет, а может, уйдут и все две. Но Катин порох оказался ничуть не хуже заводского, а капсулы и дробь продавались без всякой лицензии. Жил же я по расписанию «две недели на острове – три или четыре дня в Москве».

Увидев, как я все тащу и тащу материалы и инструменты для постройки дома, Катя поинтересовалась:

– Вадик, а ты не обнищаешь с такими-то тратами? Это я не к тому, что надо экономить. У меня тоже есть деньги, и немало, просто я старалась этого не афишировать. Максим перед смертью отдал мне почти все, что у него было. А зачем оно теперь там? В общем, в ближайший заход зайти ко мне и возьми. И «Зингер» мой захвати, а то надоело уже на руках шить.

За то время, что Катя жила на острове, я несколько раз бывал у нее в квартире – поливал цветы. Ну и вообще смотрел, не залез ли туда кто в отсутствие хозяйки. Если же кто-то заинтересуется, куда она делась, то следовало говорить, что Екатерина Арнольдовна уехала в какую-то деревню в Вологодской области – у меня было даже записано, в какую именно. К живущему там православному экстрасенсу шестого уровня постижения, который якобы способен излечить от любой болезни.

– Он действительно есть, и я там была, – пояснила Катя. – Провожала подругу, которая боялась ехать туда одна. Шарлатан шарлатаном, подруге лучше не стало, только деньги зря потратила. Впрочем, немного.

Так вот, в нижнем ящике не то серванта, не то комода нашелся пакет – как и обещала Катя. А в нем – восемьсот пятьдесят тысяч рублей и какие-то золотые безделушки вроде браслетов и сережек. Многие были с камнями, ценность которых я не мог определить даже приблизительно из-за полной неграмотности в этом вопросе. А я-то еще пытался всучить ей продукты на какие-то копейки дешевле, чем они обошлись мне!

«Зингер» оказался еще дореволюционным, но к нему был приделан мотор с педалью. Я перенес швейную машину к себе и отправился выполнять Катин заказ – то есть купить ей мощную пневматическую винтовку.

Охота с ружьем получалась не очень эффективной – за один заход можно было добыть всего одну птицу. От грохота выстрела они, похоже, все улетали с острова, а возвращались только на следующий день. Или это прилетали другие, точно мы пока не знали. Вот Катя и попросила пневматичку – авось ее выстрелы не будут так пугать пернатых.

Подходящая винтовка нашлась не очень далеко от дома – в магазине неподалеку от площади Гагарина. Она называлась «Хатсан-65бт» и, по словам продавца, являлась одной из самых мощных пневматических винтовок на российском рынке. Продавец уверял, что она легко пробивает оцинкованное ведро, а стрелять ворон из нее можно на дистанции до ста метров. К тому же она была десятизарядной, а одной закачки баллона хватало на шестьдесят выстрелов. Правда, и стоила она дороже многих нормальных ружей, но они не очень подходили для нашего острова, да и покупать их я пока не имел права. Так что я приобрел винтовку, насос к ней и пять коробочек пуль. Продавец был столь любезен, что показал мне, какую планку надо отвернуть, дабы добраться до винта, регулирующего мощность выстрела, а то сейчас она установлена на минимум, согласно требованию закона.

В этом же магазине нашлась походная баня в полной комплектации, то есть с печкой. Не хватало только камней, но на моем острове они дефицитом не были. А то ведь с наступлением холодов приходилось греть воду для мытья на двух поставленных рядом маленьких туристических печках. Это было и долго, и неудобно.

Вернувшись на остров, я приступил к изготовлению нормальной циркулярки. Почему я начал делать это там, а не в Москве?

Даже до появления на острове соседки я старался побольше работ производить там, потому как времени все равно было некуда девать, а уж сейчас – и подавно. Сидеть в Москве, когда все можно сделать на острове и Катя будет рядом? На такие подвиги меня совершенно не тянуло, тем более что все необходимые и даже не очень инструменты в прошлом уже имелись.

Циркулярку я сделал из дисковой пилы, освободив ее мотор от всего лишнего и привернув к дюралевому листу с прорезью для диска. Потом водрузил все это на массивный стол, сделал над ним навес от дождя и снега, а спереди и сзади вкопал в землю П-образные стойки с рольгангами, сделанными из водопроводных труб, чтобы удобно было пилить длинные и тяжелые брусья. Потому как в силу весовых ограничений переноса пиломатериала придется заготавливать на месте.

Когда моя пила заработала, Катя пришла в восторг и заявила, что сдачу в эксплуатацию подобного чуда техники надо отметить торжественным ужином. Мол, она знает, как по-особенному приготовить мидий, так что сейчас ими займется, а я пусть пока разведу большой костер.

И начала раздеваться.

– Ты что, собралась нырять за ними? – испугался я. – Сейчас же ноль градусов, того и гляди пойдет не то снег, не то дождь.

– Разумеется, сами они на берег почему-то не вылезают. Да не волнуйся ты, я закаленная, с шестьдесят восьмого года и аж по девяносто пятый регулярно в проруби купалась! К тому же у меня есть робкая надежда, что некий прекрасный юноша не даст окончательно замерзнуть бедной старушке, когда она, вся дрожа, выйдет из пены морской.

Пока она это говорила, процесс раздевания был закончен – естественно, полностью. Катя схватила нож, авоську и бегом кинулась к бухте. Прыгнула, без брызг вошла в воду, а я начал стаскивать в кучу обрезки лесопильной деятельности.

Когда Катя вылезла и, стуча зубами, прибежала к палатке, костер уже вовсю горел. Она попыталась устроиться поближе к огню, но я без разговоров сгреб свое бледно-синее сокровище в охапку, внес в палатку, сгрузил на спальный мешок и, взяв махровое полотенце, начал изо всех сил ее растирать.

– Ох, – стонала Катя, не пытайся, впрочем, мне как-то препятствовать, – извращенец! Я-то, глупая, надеялась, что ты будешь греть меня несколько иным способом.

– Иным тоже буду, но сначала надо этим, так что терпи.

Впрочем, первым не вытерпел я. Эта чертовка ухитрилась под моим полотенцем принимать столь соблазнительные позы, что я не выдержал и, не доведя процесс растирания до конца, отшвырнул полотенце, скинул рубашку, выпрыгнул из джинсов и начал согревать ее именно так, как она и хотела. Причем, что удивительно, эффект оказался даже лучше, чем от полотенца.

Потом я оделся, Катя накинула на плечи армейскую плащ-палатку, и мы вылезли к костру.

– Не замерзнешь? – на всякий случай поинтересовался я.

– Согреешь! – безапелляционно заявила дама. – Зачем зря стараться, надевать что-то, если его все равно с минуты на минуту придется снимать?

И, вывалив десятка два мидий на стальной противень, поставила его на угли. Скоро от ракушек пошел пар, и их створки начали раскрываться. Немного подождав, пока они подрумянятся, Катя сняла поднос с углей, стряхнула с него мидий в большую миску и сообщила:

– Кушать подано, мой принц.

Действительно, приготовленные таким образом мидии оказались куда вкуснее, чем вареные. Они были быстро съедены, я подбросил в догорающий костер несколько поленьев, чтобы было на чем готовить следующую порцию, и мы полезли в палатку «греться».

В общем, торжественный ужин удался – и мидий, и дров, и сил хватило как раз на три сеанса.

Потом начались трудовые будни. Я прикинул, что в наших условиях проще всего будет построить каркасно-щитовой дом. Для изготовления сруба, например, пилить потребуется

меньше, но зато придется не только таскать, но и поднимать наверх весьма тяжелые бревна, тем более что толком высушить их у нас не будет времени. Доски же могут неплохо высохнуть за два месяца. Брусьям, пожалуй, этого будет мало, но ведь дерево при сушке ссыхается только в ширину, а длина остается практически неизменной. Правда, оставался еще один вопрос. Ведь каркасный дом довольно легкий, и, если его просто поставить на фундамент, то первый же приличный ураган сдует наше жилище к чертям. Не хотелось бы уподобляться девочке Элли из сказки Волкова, тем более что никакой волшебной страны поблизости нет. Поэтому я в четыре захода перенес на остров четыре стальных трубы, к которым с одной стороны приварил нечто вроде винтовых лопастей. Как приварил? Но ведь генератор, что давно работает на острове, инверторный. А это значит, что к нему можно спокойно подключать инверторный же сварочный аппарат, который у меня имелся еще до эпопеи с походами в прошлое. В общем, фундамент нашего дома будет комбинированным – по углам четыре винтовые сваи, они же основа каркаса, а по периметру – канава, наполненная камнями и залитая бетоном.

Должен сказать, что лесопильная работа – она не только тяжелая, но и нудная. Если бы не Катя, мне надоело бы корячиться через неделю. Однако моя женщина оказалась неутомимой не только в постели, но и в таскании бревен. Глядя на нее, я тоже работал с энтузиазмом, тем более что она в процессе нашего лесоповала ухитрилась выглядеть донельзя сексуально. А когда я спросил ее, следует ли так напрягаться, то в ответ услышал:

– Да ну, ерунда. Не держи меня за тургеневскую барышню, я у тебя сильная. К тому же преобразования организма еще не закончились, так что мне нужно не только усиленное питание, но хорошая мышечная нагрузка.

– А с чего ты решила, что они еще продолжаются? По-моему, хорошеть дальше тебе просто некуда.

– Вадик, нельзя быть таким пессимистом. Откуда взял, что некуда? Очень даже есть куда! Вот ты, например, и то продолжаешь хорошеть. Появившись на острове первый раз, я увидела какую-то бледную немочь, а сейчас только глянь на себя! Фигура как у Чака Норриса в его лучшие годы. Но вообще-то я имела в виду несколько иное. Ведь когда-то, настолько давно, что уже еле помню те древние времена, я была девушкой. И до сих пор ею не стала, если ты обратил внимание. А это ведь тоже, если подойти к вопросу формально, было повреждение организма.

– Да как же оно может восстановиться, если мы чуть ли не каждый день изо всех сил ему мешаем? – удивился я.

– Как только начнутся первые признаки, я почувствую. И тогда какое-то время нам придется ограничиваться... хм... платоническими ласками. Зато потом я наконец-то смогу отдать свою невинность любимому, а не какому-то старому козлу, как в первый раз!

– А если ничего восстанавливаться не будет?

– Значит, не придется делать перерыв, что тоже очень неплохо. Ну как, взяли?

И Катя нагнулась к очередному бревну. Причем из всех возможных углов подхода к объекту она выбрала тот, при котором мне открывался наиболее интересный вид в вырезе ее футболки.

К началу апреля все пиломатериалы для будущего дома были заготовлены, причем первые доски сушились уже почти три месяца. Сначала мы вырыли неглубокую квадратную канаву, ввинтили по ее углам четыре сваи, а потом долго таскали камни из бухты. Я доставил из Москвы небольшую бетономешалку. Она весила всего семьдесят пять кило, так что в комплекте с ней прошел еще и мешок цемента в дополнение к двенадцати уже имеющимся. И мы начали заливать фундамент. Не дожидаясь, пока он окончательно схватится, положили

нижнюю обвязку из брусьев двести на двести, потом верхнюю. Можно было приступить к сборке каркаса, но Катя вдруг трагическим голосом сообщила:

– Милый, случилось то страшное, о чем я недавно предупреждала. Теперь несколько дней меня можно будет трогать только руками. Наверное, еще и губами тоже, языком и прочими частями тела, кроме самой важной. Как же мы теперь жить-то будем?

– Вечером посмотрим, – легкомысленно отмахнулся я. – Переживем, ведь не в первый раз.

И мы начали крепить очередную балку.

Дом был задуман небольшим – пять на пять метров без мансарды, а только с низким чердаком. И простейшей планировки – одна большая комната и маленькая кухонька, для которой уже был приобретен двухконфорочный примус. От деления внутреннего пространства на две комнаты мы единогласно отказались еще на стадии проектирования. А заодно, чтобы потом не мучиться раздумьями, от двух кроватей и даже двух одеял на одной кровати. Я заикнулся было о посудомоечной и стиральной машинах, потому как Катя не давала мне ни стирать, ни мыть посуду. Но любимая решительно заявила, что она прекрасно справится и так, а и деньгам, и, главное, доступному для переноса весу можно найти гораздо лучшее применение. Например, зимние штормы уже кончились, и пора подумать о чем-нибудь плавающем лучше надувного матраса.

Но этому еще не пришел черед, мы продолжали собирать каркас. И вот, когда одним прекрасным вечером он был закончен, Катя, вытерев пот со лба и ухитрившись сделать это так, что от такого простого вроде бы движения расстегнулись сразу три пуговицы на рубашке, поведала мне, старательно изображая смущение:

– Вадик, наш вынужденный целибат кончился. Сразу после ужина ты можешь дать волю своим... э-э-э... высоким устремлениям. Только умоляю, будь со мною нежен, мне страшно. Я же точно помню, что в первый раз обязательно должно быть очень страшно!

Тут Катя слегка вышла из роли и послала мне призывный взгляд.

Еще пять минут назад я чувствовал зверский голод, но сейчас решил, что ужин может и подождать. В конце концов, для него и завтра будет не поздно. Однако вовремя сообразил, что Катя, наверное, хочет есть не меньше меня, так что придется немного попридержаться рвущиеся наружу инстинкты. Поэтому я только сказал:

– Любимая, а у меня для тебя тоже есть сюрприз. Время восстановления кольца начало уменьшаться. Теперь ему хватает четырех часов здесь и полутора суток там, причем процесс продолжается. Думаю, скоро ты сможешь хоть и на короткое время, но все же снова посещать тот мир. Ведь умершая крыса забеспокоилась не сразу, а только через полчаса. А возвращение молодости у тебя действительно заняло в сорок раз больше времени, чем у нее. Значит, есть надежда, что и все остальное пойдет так же. То есть у тебя будет порядка суток в Москве до того, как процесс омоложения пойдет вспять. Еще немного, и время восстановления станет таким, а потом, надеюсь, еще меньше. Вот только проверить на крысах мы этого не сможем. Будешь рисковать?

– Обязательно! – просияла Катя, шагнула ко мне, обняла и нежно прошептала в ухо: – Милый, а ты не очень обидишься, если ужин будет чуть попозже? Мне просто необходимо немедленно показать, как я тебе благодарна за все, что ты для меня делаешь.

Глава 7

Население растет, но пока за счет иммигрантов

Параллельно со всем вышеперечисленным я продолжал исследования свойств кольца. Так, недавно выяснилось, что поворачивать для перехода его необязательно – достаточно просто представить себе те ощущения, которые возникали при повороте. Кроме того, оказалось, что место старта в будущем может быть где угодно. Во всяком случае, один раз я отправился на остров из гостиницы в Дубне, куда меня загнали в командировку. А вот из прошлого можно было отправляться только с поляны, куда кольцо выкинуло меня в первый раз. И соответственно возвращаться только туда.

Вскоре я купил разборный надувной катамаран «Валдай-6» и приволок его на остров.

– Это на таком Кулик с товарищами пересек Индийский океан, а недавно и вовсе отправился вокруг света? – поинтересовалась Катя, разбирая свертки.

– Нет, у него он был несколько больше. Но конструкция практически та же самая, ее только нужно слегка доработать.

«Валдай» имел довольно слабый каркас, ведь в его инструкции было ясно написано, что он предназначен для путешествий по рекам не более какой-то там категории сложности и по спокойным озерам недалеко от берега. Однако его двухкамерные поплавки были рассчитаны на гораздо большее, и я сел проектировать усиление каркаса. Собственно, оно должно было свестись к изготовлению еще одного, только заметно прочнее и не из дюрала, а из дуба. После чего следовало независимо прикрепить второй каркас к поплавкам, а потом для гарантии связать их вместе. И, разумеется, снабдить плавсредство мачтой, рулями, швертами, транцем для установки подвесного мотора и хоть каким-нибудь подобием каюты. Хотя бы навесом от дождя и солнца на корме.

Однако для хоть сколько-нибудь далекого плавания следовало получше вооружиться. Так как лицензия у меня уже появилась, то я отправился по охотничьим магазинам. Сначала была мысль купить «Сайгу» из-за ее сходства с «калашниковым», но потом она отступила. Хотя я не спец-оружейник, но инженерная интуиция однозначно говорила мне, что оружие, разработанное под один патрон, вряд ли будет столь же хорошо работать с принципиально другим. Нет уж, лучше покупать то, что было изначально задумано под цилиндрическую гильзу с рантом, подумал я и приобрел помповый «Винчестер-1300». И кроме того, занялся патронами для нагана.

Первым делом я их от души прокипятил, чтобы не начали взрываться в руках, а потом долго пытался придумать, как бы вытащить пули, не попортив гильз. Когда в результате экспериментов уже третья гильза ушла в отходы, я догадался глянуть в Гугле и обнаружил, что те самые гильзы продаются в интернет-магазине, торгующем всяким снаряжением для страйкболистов и реконструкторов. Правда, стоили они там по пятьдесят рублей штука, но, в конце концов, это были не такие уж большие деньги.

Так что теперь мы с Катей были не так уж плохо вооружены – наган, пневматическая винтовка и два ружья двенадцатого калибра. Да плюс еще ТТ, для которого я тоже купил три десятка гильз, но пока не снаряжал их.

Несколько дубов нашлись метрах в трехстах от нашего лагеря. Мы выбрали один не очень большой, спилили его, лишили веток и при помощи бензопилы распустили на брусья, которые потом два дня перетаскивали к домику, рядом с которым решили устроить верфь. Сушить дерево необходимости не было – в воде оно все равно намокнет. Так что я приступил к изготовлению усиленного каркаса для нашего корабля, а Катя занялась огородом. Ведь

уже начался май, и пора было сажать хоть что-нибудь, дабы потом не покупать нитратные кабачки в московских магазинах.

За две недели я полностью собрал каркас со всеми навесами, а Катя при минимальной помощи с моей стороны не только вскопала и засадила четыре сотки, но и сшила треугольный парус – для начала мы решили обойтись одним гротом. Наконец я доставил на остров мотор – четырехтактную пятисильную «Хонду». Да, этот движок был дороговат и тяжеловат по сравнению с многими аналогами, но зато мало жрал. И вроде как должен быть весьма надежным.

Наш остров, если смотреть на него сверху, был похож на запятую. Гора-точка посередине, а сбоку хвостик, своим изгибом образующий бухту. Так вот, нормально выбраться на берег можно было только в ней – во всех остальных местах берега обрывались в море почти отвесно. Бухта имела размер примерно сто пятьдесят на двести метров, а вход в нее был тридцатиметровой ширины и смотрел на восток. Вот, значит, в конце мая наш корабль и был торжественно спущен на воду. Почти весь день мы развлекались, плавая вдоль и поперек бухты, пока я не почувствовал, что могу хоть как-то управлять катамараном. Разумеется, все происходило на моторной тяге, возиться с парусом было еще рано. Для этого требовалось подождать восточного ветра, чтобы отойти от острова на моторе, а возвращаться под парусом и как раз в бухту.

Вечером был торжественный ужин с шампанским, посвященный рождению нашего морского флота. Вообще-то по традиции требовалось разбить бутылку о борт корабля, но нам обоим было жалко. Во-первых, шампанское – не так уж часто его приходилось пробовать на острове. Если быть точным, то до этого раза вообще никогда. А во-вторых, жалко было катамаран. При желании той бутылкой его можно было расколотить в щепки, и вряд ли с ней что-нибудь стало бы.

Катя подняла было кружку, чтобы сказать первый тост, но вдруг поставила ее на землю.

– Мы с тобой недоумки, – объяснила она. – Ну, может, ты и не совсем, но я – вне всякого сомнения. Как он будет называться? Про имя-то мы забыли. Думай быстрее, пока из шампанского весь газ не вышел.

– «Екатерина!» – выпалил я.

– Не годится, он у нас мужского рода. Свое имя тоже не предлагай, а то вдруг я в порыве страсти крикну «Вадик, глубже!», а ты подумаешь, что это относится к катамарану.

– Тогда «Катран».

– Черноморская акула-собака? А что, вроде ничего. И так, нарекаем корабль «Катраном»! Пусть он долго плавает по всем окрестным морям и никогда не тонет. Пьем до дна и сразу наливаем по новой!

К началу июня, когда на огороде всюду поперли ростки, я научился более или менее обращаться с парусом. Во всяком случае, теперь под ним мне была доступна примерно половина направлений – или совсем немного больше. Мы уже начали задумываться, не дополнить ли парусное вооружение стакселем, но тут нашлись более важные дела.

Время восстановления работоспособности кольца уменьшилось до шестнадцати часов в будущем, но на этом застыло. В последние три раза никакой разницы вообще не чувствовалось, и я сообщил об этом Кате.

– Не передумал брать меня с собой? – спросила любимая. – Я – нет, говорю сразу. Тогда, наверное, завтра отправимся?

– А что ты собираешься там делать, если не секрет?

– В первый раз – ничего. Зайду к себе, посижу в Интернете, возьму кое-какие мелочи. Надо же убедиться, насколько такой заход безопасен.

– В случае чего я смогу переместить тебя на остров и через восемь часов.

– Как Максим, когда поспешил и кольцо у него перестало работать?

– Да. Честно тебе говорю, что мне остаться на всю жизнь здесь, но с тобой, будет гораздо лучше, чем там, но без тебя.

– Ладно, будем надеяться, что таких подвигов не потребуются.

Перед совместным походом в будущее я здорово волновался. А вдруг Катя сразу умрет? Однако когда мы сели по центру поляны, она была спокойна хотя бы внешне.

Миг – и мы в моей квартире. Катя неуверенно встала и огляделась.

– Каким все кажется маленьким! Вставай, пошли ко мне. И, пожалуйста, не отходи от меня далеко, а то мне как-то непривычно оставаться одной в таком огромном мире. Это ведь не наш остров, на котором мы уже знаем чуть ли не каждое дерево.

– Никуда я не уйду, здесь сегодня суббота.

В момент переноса в Москве было шесть часов утра. До часа дня Катя чувствовала себя нормально. А вот потом, хоть она поначалу и все отрицала, с ней явно начало твориться что-то не то. К четырем часам моя женщина призналась, что ей действительно нехорошо. Впрочем, это было прекрасно видно и без всяких признаний. Ее лицо посерело, на коже выступили капельки пота.

Я потрогал кольцо – чуть теплое. В принципе, наверное, оно нас перенесет. Как в свое время вернуло деда в его родное время, но потом отказалось работать.

После шести вечера ее сердце начало биться с какими-то переборами.

– Не обращай внимания, это обычная аритмия, – слабо улыбнулась Катя. – После семидесяти она у меня была, считай, постоянно. И не убирай руки – мне в самом деле легче, когда ты меня обнимаешь.

Меня, прямо скажем, немного трясло. Может, уже пора рвать назад, наплевав, что придется навсегда там и остаться? Ведь Катя, по ней ясно видно, решила держаться до последнего. Наверное, думает – я буду хоть и подсознательно, но все же обвинять ее в том, что дорога в будущее закрыта. Да когда же это проклятое кольцо потеплеет еще хоть чуть-чуть?!

Поначалу мне показалось, что это галлюцинация, вызванная иступленным желанием как можно быстрее вернуть любимую в безопасное место. Но нет, кольцо потеплело как-то уж очень явственно. Сейчас оно казалось даже чуть горячее, чем было во все прошлые разы перед переносами.

– Милая, все готово! – Я схватил ее за руки. И тут же непроизвольно дал команду на перенос.

Мы упали на траву – Катя снизу, я на нее. Ведь она сидела на стуле, а я стоял, наклонившись к ней. Так как в спешке никаких специальных мер принято не было, то вся ее одежда осталась в двадцать первом веке.

– Ну вот, – расстроено протянула моя женщина, – такие хорошие были сережки! Специально ведь нацепила – думала, что тебе понравится.

– Да хрен с ними, они же никуда не делись! Как ты себя чувствуешь?

Я схватил ее за запястье и нашел пульс. Сердце билось ровно.

– Нормально. Сама удивляюсь, но нормально. И дышится-то как легко! Как будто вышла из курилки на свежий воздух. Вот только почему-то спать хочется. Пойдем домой, а?

– Не дергайся, я отнесу. Да не надорвусь, что ты волнуешься? Как будто в первый раз тебя тащить придется.

– Я же тяжелая, – счастливо улыбнулась женщина. Немного повозилась, поудобнее устраиваясь у меня на руках, и заснула.

Все время, пока она спала, то есть часа четыре, я сидел у кровати. Но, кажется, это действительно был здоровый сон, а не забытье.

Наконец Катя открыла глаза. С удовольствием потянулась, потом откинула одеяло и начала было:

– Иди сю... хотя стоп.

Она встала.

– Все забываю тебе сказать, чтобы ты принес сюда большое зеркало из моей прихожей. Значит, хоть ты у нас и невнимательный, пока придется довериться твоему мнению. Хорошенько осмотри меня – все ли в порядке? А то вдруг я уже начала стареть обратно. Милый, тебе же сказали «осмотри». Ты что, видишь руками? Успеешь еще наладиться, куда я не денусь. Пошли на улицу, там светлее.

Зеркало, разумеется, я принес этим же вечером. Уже через неделю Катя заявила, что уверена – посещение будущего на ее здоровье никак не сказалось, но согласилась на всякий случай подождать еще две недели, прежде чем снова отправляться туда. Тем более что новое свойство кольца никуда не исчезло – стоило только напрячься, и оно начинало теплеть гораздо быстрее, чем обычно. Теперь, наверное, я в случае необходимости смогу вернуть Катю на остров и через пару часов после переноса, а уж через четыре – наверняка.

– А все-таки что тебе там так сильно понадобилось? – поинтересовался я.

– Не что, а кто. Моя школьная подруга, она детский хирург. А то ведь когда-нибудь твои неустанные труды увенчаются успехом, а из меня врач, скажем прямо, весьма средний. Ксюха же – специалист высочайшего класса, сейчас таких не делают. Я с ней уже списалась и сообщила, что нашла настоящего экстрасенса, не чета тому, к которому мы с ней ездили под Вологду. Мол, омолаживает только так, на счет раз, и берет совсем недорого. Обещала на днях зайти и показаться. Вот только, наверное, придется захватить сюда и одного ее знакомого. Собственно, и моего тоже, из нашего класса в живых остались только мы трое. Потому как иначе она быстро окажется в нашей постели, шлюховатость всегда была ее отличительной чертой. А с Пашей у них, кажется, даже был роман, так что пусть он тут и отвлекает ее от моего мужчины. Или у тебя по этому вопросу какое-то другое мнение?

Вообще-то воображение у меня довольно богатое. Я представил себе, как в самый ответственный момент между мной и Катей вдруг лезет какая-то старуха, и содрогнулся. Впрочем, если даже не старуха, то все равно ничего хорошего.

Катина подруга жила примерно в полукилометре от метро «Юго-западная», мы прошли это расстояние минут за пять-шесть. Поднялись на четвертый этаж, позвонили. Нам открыла низенькая и полная почти до шарообразности старушка. Из квартиры пахло специфическим запахом бесприютной старости – лекарства, еще что-то там...

В прихожей царил полутьма.

– Лампочка перегорела, – виновато сказала подруга, – а заменить некому.

Да уж, какие там лампочки! Бабка и ходила-то с большим трудом, переваливаясь как утка. Причем она мне явно кого-то напоминала. Вскоре я сообразил, кого именно – королеву Викторию в ее последние годы. Вот если бы она прожила еще лет пять, то выглядела бы примерно так.

В комнате было светлее. Катя огляделась, потом скинула пальто и шапку прямо на диван, оставшись в обтягивающей водолазке и узких джинсах. У старухи подкосились ноги, я еле успел подставить стул.

– К-катюша, ты ли это? – пролепетала она. – Нет, не может быть! Вы, наверное, ее внучка.

– Ксения Сергеевна, вы совсем рехнулись на старости лет? – осведомилась Катя. – Ксюха, не пори ерунды! Какая еще внучка, когда у меня детей не было и быть не могло, ты это отлично знаешь! Да не плачь ты, я сейчас тебе все расскажу! Что?! Хватит, всего

у тебя хватит. Я даже боюсь, как бы кое-чего слишком много не оказалось. Поэтому сразу предупреждаю – как увижу, что ты Вадику глазки строишь, мигом сверну шею и со скалы сброшу в море. Я серьезно, у нас там с этим просто. Успокоилась? Вот и ладошки, теперь слушай.

Минут за сорок любимой удалось убедить подругу, что это она своей собственной персоной, а не галлюцинация и не мифическая внучка. Ну и немного рассказать по остров.

– Только учти, что это дорога в один конец. Сюда если даже получится заглянуть, то совсем ненадолго, – закончила Катя.

– Ой, Катюша, да как будто меня здесь дорога во много концов ожидает, – вздохнула Ксения. – Разумеется, я согласна. Вот только... ты говорила, что и Пашу тоже можно взять туда? Тогда его первого, он совсем плох, а я вроде пока еще держусь.

– Выйти из квартиры он сможет? – поинтересовался я.

– Не знаю... пожалуй, что нет. А что, для этого надо куда-то ехать?

– Желательно. Потому как вернуться я смогу только в то же самое место и в то же самое время, откуда ушел. То есть в пустую квартиру, где только что был хозяин. И что мне отвечать, если кто-нибудь поинтересуется, куда он делся?

– Молодой человек, Паша живет в пятиэтажке. В подъезде никаких консьержек, просто кодовый замок. Ключ от его квартиры я вам дам. Никого вы там не встретите. И, наверное, никто и не хватится Паши, разве что когда задолженность по квартплате превысит предел терпения ЖЭКа, или как там сейчас называется эта контора. Я ему сейчас позвоню, и вы поедете. А меня уж потом заберете, ради такого случая смогу и доковылять куда надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.